

Алексей РАКИТИН

Американские трагедии

Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX – XX столетий. Книга IX

Алексей Ракитин

**Американские трагедии.
Хроники подлинных уголовных
расследований XIX—
XX столетий. Книга IX**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX—XX столетий. Книга IX / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620750-9

Девятая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из американской истории разных лет. Помимо необычных и полных драматизма криминальных конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX — XX веков, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

ISBN 978-5-00-620750-9

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

У каждого успешного врача непременно есть личное кладбище	6
Мсть «Лиса»	23
Чикагская бригада смерти	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Американские трагедии.
Хроники подлинных уголовных
расследований XIX—XX столетий. Книга IX**

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0062-0750-9 (т. 9)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У каждого успешного врача непременно есть личное кладбище

История эта совершенно неизвестна, вы ни слова не найдёте о ней в «Википедии», она не упоминается в книгах, и её сюжет никогда не обыгрывался в кинофильмах. А между тем история эта познавательна и поучительна, заставляет задуматься и посмотреть на обыденные дела, поступки и человеческие характеры под неожиданным ракурсом.

Начать, по-видимому, следует с того, что Мэри Хэлл (Mary E. Hall) умерла в санатории под названием «Норе» в доме №1146 по 3-й авеню (Third avenue) в Детройте 23 апреля 1907 г. Молодая, очень привлекательная девушка скончалась с симптоматикой, которую сейчас принято называть «острый живот». После вскрытия тела врачом коронерской службы Эдвардом Смитом (E. V. Smith) причина смерти определялась как «септический перитонит, последовавший в результате хирургического вмешательства».

То «хирургическое вмешательство», которое доктор Смит не пожелал уточнить, являлось криминальным абортom, то есть удалением плода на больших сроках беременности, не разрешаемое законом. Операция была проведена технически правильно, но с нарушением требований по гигиене, в результате чего последовало заражение крови, которое в те годы лечить не умели вообще.

Глупая, нелепая, досадная смерть, за которую кто-то должен был ответить!

Эти фотографии центральной части Детройта не имеют непосредственного отношения к повествованию, но позволяют увидеть город начала XX столетия.

Уже первые допросы работников санатория показали, что умершая скрывала истинную причину своего заболевания. Она говорила, что хирург вскрыл на её ноге фурункул и рекомендовал несколько дней покоя – для этого она и поселилась 21 апреля в санатории с усиленным питанием. Даже когда во второй половине дня 22 апреля самочувствие Мэри резко ухудшилось, она отказывалась от помощи и не сделала никаких распоряжений. Выяснилось, что никто в санатории не знает, где оперировалась Мэри и откуда она вообще приехала.

Впрочем, очень скоро выяснилось, что Мэри Хэлл вообще никто в штате Мичиган не знает – имя и фамилия оказались вымышлены!

Полиция Детройта деятельно взялась за дело. Во-первых, надлежало отыскать родственников таинственной Мэри Хэлл, дабы те могли по-христиански с нею проститься, а во-вторых, следовало хорошенько дать по рукам любителю зарабатывать на нелегальных абортах. В течение недели удалось установить, что некая девушка, по всём похожая на умершую в санатории, назвавшись «Мэри Хэлл», поселилась в отеле «Wayne» 20 апреля и съехала на следующий день. Судя по всему, в «Wayne» и «Норе» селилась одна и та же девица; в «Wayne» она была совершенно здорова, а в «Норе» приехала после операции. Стало быть, аборт ей сделали 21 апреля.

Это было первое важное уточнение. То, что таинственная девица поселилась перед операцией в обычном отеле и лишь затем отправилась к врачу, означало, что она не проживает в Детройте. Это был второй важный вывод. Ну, а третий оказался связан с неизвестным мужчиной, с которым «Мэри Хэлл» провела весь вечер 20 апреля после поселения в отеле. Мужчина был одет как... католический священник!

Впрочем, «священник» мог и не быть священником в действительности. Если этот человек имел недобрые намерения, то сутана могла использоваться им для маскировки. Огромное число мошенников использовало сутану для того, чтобы сбивать с толку обывателей, питавших в те годы глубокое уважение к институтам церкви. Так что с выводами спешить не следовало, но сам по себе поворот дела казался очень интригующим.

Однако на этом расследование застопорилось. Проходили неделя за неделей, но личность умершей установить не удавалось. Лишь в конце мая 1907 г., спустя более месяца со времени смерти «Мэри Хэлл», полиция Детройта узнала, что в расположенном на удалении чуть менее 100 км городе Лансинге ведутся поиски молодой женщины, пропавшей без вести в последней декаде апреля. Приметы пропавшей отлично соответствовали внешности «Мэри Хэлл».

Командированные в Лансинг детективы принесли долгожданную новость – личность умершей в санатории девицы можно считать установленной. Ею оказалась некая Эдит Пресли (Edith Presley), 20-летняя девушка из хорошей религиозной семьи, проживавшей в деревне Бэнкрофт (Bancroft). Эдит выросла в Бэнкрофте, но годом ранее переехала в удалённый на 35 км Лансинг, где устроилась корректором в канцелярию мэра. Хотя расстояние до родительского дома было невелико, отсутствие в ту пору общественного транспорта делало связь с семьёй затруднительной и эпизодичной. В конце мая в Лансинге появился Фрэнк Пресли, старший брат Эдит, который принялся разыскивать сестру. Не отыскав её следов и узнав, что она не оплачивала жильё на протяжении месяца, брат забил тревогу и обратился в местную полицию.

Брат опознал Эдит по фотографиям и одежде, представленной ему. Разумеется, он стал первым подозреваемым, но к счастью для Фрэнка, его непричастность быстро стала всем очевидна. Он работал контролёром на железной дороге, много времени проводил в разъездах и с сестрой не виделся более полугода. Персонал отеля «Wayne» не опознал во Фрэнке человека, одетого в сутану католического священника, замеченного в обществе Эдит 20 апреля. Когда Фрэнка прямо спросили, кем мог быть таинственный священник, тот только развёл руками – брат ничего не знал о личной жизни сестры, и в 20-х числах апреля он находился на другом краю штата, так что его непричастность к трагедии стала всем очевидна.

Осмотр личных вещей Эдит дал 2 серьёзные зацепки. Во-первых, в бумагах Эдит был найден дневник, из содержания которого можно было понять, что девушка пережила пору страстной влюблённости, причём влюблённости запретной... Ибо любовником Эдит Пресли стал католический священник, а они, как известно, принимают целибат [обет безбрачия]. Но появление дневниковых записей опытный адвокат мог бы объяснить навязчивым состоянием неуравновешенной девушки и её эротическими фантазиями, и вот тут-то особенно ценной оказалась вторая зацепка, найденная при осмотре личных вещей Эдит. Речь идёт о письмах, собственноручно написанных этим самым священником и адресованных умершей девице.

Собственно, благодаря письмам личность этого человека и была установлена. Это был некий Чарльз Уорд (Charles K. Ward), также родившийся в Бэнкрофте и прекрасно знавший семью Пресли на протяжении четырёх поколений. Он был гораздо старше Эдит [52 года] и был знаком ещё с её прабабкой. Служил Уорд в Лансинге, но поговорить с ним детройтским детективом не удалось. Выяснилось, что он куда-то уехал, а куда – никто толком не знал.

Едва только «законники» приступили к его розыскам, как с ними связался епископальный адвокат [то есть адвокат, нанятый католическим епископом] Уильям Манчестер (William D. Manchester), который заявил, что священник перенёс инсульт, потерял память и сейчас пребывает в специальной лечебнице на реабилитации. Находчивый читатель в этом месте наверняка заподозрит подвох и захочет узнать, где же находится эта лечебница. Окружной прокурор Робисон, возглавлявший расследование смерти Эдит Пресли, тоже почувал неладное и озабочился выяснением этого вопроса. Оказалось, что перенёсший инсульт священник вывезен в город Дю Куойне, штате Иллинойс, то есть фактически выведен из зоны досягаемости мичиганских правоохранителей.

Тот, кто читал мой очерк «Сказка с несчастливym концом», в этом месте наверняка испытает *deja vu*. И есть отчего! В том очерке рассказывается история сексуальных преступлений католических священников, имевших место в конце 1960-х гг., то есть спустя более полувека с той поры, о которой ведётся сейчас речь, но параллели напрашиваются сами собой. Там тоже священник, заподозренный в неподобающем поведении, испытал резкое ухудшение здоровья и был помещён в санаторий на территории другого штата, а в это время епархиальные адвокаты отважно бились с истцами, отражая их претензии в суде. Затем священник потихоньку выехал за пределы США и остался в Ирландии, став недостижимым для американского правосудия. А потом он вернулся с США, снова попал в больничку и пережил инсульт. И в конечном итоге умер в возрасте 61 года, так ни разу и не появившись в суде.

Если не читали «Сказку с несчастливym концом» и маетесь в сомнениях, чему уделить внимание, то настоятельно рекомендую именно этот очерк. История в высшей степени запатальная и притом наводящая на определённые размышления об американской правовой системе и современных американских «срывателях покровов».

Впрочем, вернёмся к событиям начала лета 1907 г. в Мичигане.

Прокурор Робисон (Robison), убедившись, что епископальное начальство будет чинить все мыслимые и немыслимые препятствия допросу преподобного Уорда, решил пойти на обострение ситуации. Он понимал, что подковёрная борьба и приватные переговоры льют воду на мельницу шелудивого священника, позволяя ему и его адвокатам тянуть время. 4 июня 1907 г. прокурор сообщил журналистам, что следствию известно, кто занимался организацией криминального аборта. Были названы имя и фамилия преподобного, и хотя прямо не заявлялось, что тот выступил в роли растлителя невинной девушки, невысказанный подтекст стал ясен всем. В конце своего обращения окружной прокурор заявил, что рассчитывает на добровольную явку преподобного Уорда для допроса, и добавил, что намерен приложить все силы к тому, чтобы такой допрос состоялся.

Это парк на острове Белль, появившийся в конце XIX столетия и моментально ставший достопримечательностью Детройта. Герои настоящего повествования без всяких сомнений бывали здесь.

Робисон прекрасно отдавал себе отчёт в том, что диагноз «инсульт» даёт священнику замечательную возможность явиться на допрос и фактически ничего не сказать, ссылаясь на повреждение мозга и амнезию. Дескать, ничего не помню, ничего не знаю, я – не я и кобыла – не моя! Прокурору следовало как-то «придавить» подозреваемого, дабы побудить к сотрудничеству, и сделать это надлежало дистанционно, без очной явки преподобного на допрос. Чтобы усилить психоэмоциональное давление на Чарльза Уорда и показать всем, в том числе и епископальному руководству, что преподобного можно очень крепко дискредитировать, прокурор решил на довольно нетривиальный шаг – он огласил некоторые фрагменты из писем Уорда, найденных в вещах Эдит Пресли.

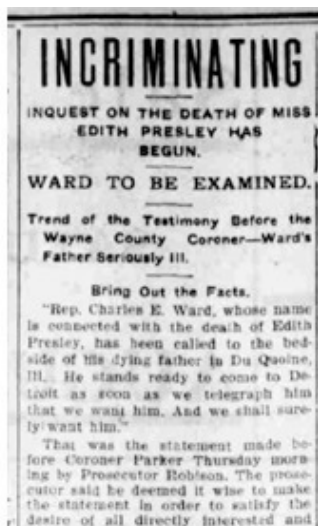
В частности, такой: «Я бы хотел, чтобы ты знала, моя дорогая, как твоему старику здесь одиноко. Когда-нибудь, в какой-нибудь день будет рассказана другая история. [Это будет] Один из счастливых дней, когда чаша жизненного блаженства окажется наполнена и переполнена, там распустятся цветы, будут петь птицы, и музыка детского веселья и лепета будет составлять бесконечную симфонию согласия. Снова и снова через эту картину, из которой соткана [моя] мечта, плывёт ангел с волосами цвета льна, который стал как бы путеводной звездой моих намерений. Как вам картина? А можно ли разгадать аллегорию?»¹

Понятно, что после прочтения подобных стихов в прозе никаких сомнений в характере отношений преподобного с Эдит Пресли не оставалось. Обывателям, читая подобные эпистолы, оставалось только вырывать из собственных голов остатки волос и вопиять что-то вроде: «И автор этой пошлости накладывал на себя целибат, выстригал на голове тонзуру, а потом уединялся с девушками для отпущения грехов?!» Гнев обывателя был понятен и искал приемлемого выхода.

История приобретала всё более скандальный характер. Негативное восприятие преподобного Уорда и покрывавшего его епархиального начальства заметно усилилось после того,

¹ Дословно на языке оригинала: «I wish you might know, my dear one, how lonesome it is around here for your old fellow. Some time, some day, there will be a different story to tell. One of the happy days when life's cup of bliss will be full to overflowing, where flowers will bloom, birds will sing and the music of childhood's mirth and prattle will make an endless symphony of concord. Over and through this picture, in fact that out of which the dream is woven, floats a flaxen-haired angel, who has become, as it were, the guiding star of my ambition. How dost like the picture? And can you solve the allegory?»

как в июле окружной прокурор рассказал журналистам о появлении весьма ценного свидетеля, сообщившего следствию любопытную информацию о поведении Чарльза Уорда в апреле 1907 г. Этим свидетелем оказался доктор Рассел Виксом (Russell P. Wixom), проживавший в Детройте и лично знавший не только священника, но и умершую девушку.

Статья из июльской 1907 г. газеты с рассказом о ходе расследования обстоятельств смерти Эдит Пресли.

Виксом на допросе рассказал о том, как во второй половине апреля дважды случайно встречался с преподобным Уордом в центре города. Встречи произошли с интервалом в сутки, приблизительно 19—20 апреля, либо чуть ранее. Оба раза преподобный заводил с доктором довольно неприятный разговор о том, что некая молодая женщина, в судьбе которой он «принимает участие», попала в сложную жизненную ситуацию и нуждается в проведении аборта. Врач, готовый оказать соответствующую услугу, найден, но проблема состоит в послеоперационном наблюдении. Священник спрашивал у Виксома совета насчёт того, как бы всё это получше организовать, и притом максимально анонимно.

По словам доктора, он понимал, что речь идёт о криминальном аборте, хотя прямо об этом не было сказано ни слова. Виксом не хотел принимать в этом никакого участия, о чём прямо и заявил Уорду, а тот заверил, что от Виксома нужен только совет, никакого участия не требуется. Доктор сказал преподобному, что после операции женщину можно поместить в санаторий «Home» на 3-й стрит (Third street) – там есть подходящий медицинский уход и хорошее питание. При этом Виксом подчеркнул, что истинную причину лечения администрации санатория сообщать нельзя, ибо в размещении будет отказано. Лучше сказать, что женщине вскрыли фурункул или провели какую-то иную незначительную операцию – в этом случае вопросов не возникнет.

Виксом особо настаивал на том, что советовал преподобному не выдумывать сложных схем, а отправить женщину в гинекологическую клинику доктора Дюранда (Durand) – одну из лучших в городе – где спокойно проведут аборт и обеспечат послеоперационное наблюдение. Священник категорически отказался рассматривать это предложение.

И был в этих разговорах ещё один момент, неприятно поразивший доктора Виксома. В процессе разговора преподобный назвал фамилию врача, которому якобы предстояло провести аборт, хотя собеседник этим не интересовался, и упоминание фамилии было очевидно избыточным. Преподобный назвал врача... умершего тремя годами ранее! Очевидно, он предполагал, что Виксому данная деталь неизвестна. Это ненужное враньё поразило доктора. Пре-

подобный не просто соврал – что само по себе не красит священника! – но он поступил гораздо хуже, назвав фамилию реального врача, фактически посмертно оклеветав последнего.

Понятно, что показания доктора Виксома компрометировали преподобного Уорда. Какой бы прихожанин пошёл за советом или духовным наставлением к человеку, который блудит с молоденькой девушкой, оговаривает не причастного к уголовному преступлению умершего человека и скрывает фамилию настоящего преступника?

Для священника, как и всей католической конгрегации, это полный зашквар, извините автора за это вульгарное слово, но оно очень к месту! Епископальное руководство, покрывавшее до того преподобного Уорда, наконец-то осознало, что тот компрометирует уже не только себя, но и католическую церковь как институт. Чтобы прокурор Робисон прекратил свои нападки и отстал-таки от священника, ему надлежало дать то, чего он хотел. А именно: преподобному следовало назвать фамилию врача, сделавшего криминальный аборт! Всё это время Уорд покрывал этого человека, ссылаясь на утрату памяти, но после грозного окрика епископа память к преподобному моментально вернулась, и его адвокат назвал требуемую фамилию окружному прокурору.

2 августа 1907 г. Робисон сообщил журналистам, что официальное обвинение во врачебной небрежности, повлёкшей смерть пациента, предъявлено известному в Детройте врачу Джорджу Фритчу (George A. Fritsch). Более 3-х месяцев этот негодяй, фактически убивший Этель Пресли, тихонько сидел, точно мышь под веником, явно рассчитывая на то, что фамилия его останется неизвестна Правосудию, но... его фамилия всё-таки была названа!

Родившийся 1 марта 1867 г. Джордж был старшим из 4-х братьев. По своей медицинской специализации он являлся хирургом, но работал не в больнице, а держал частный кабинет, где оказывал всевозможные медицинские услуги – от терапевтических до офтальмологических. Часто он выступал в роли травматолога, проводил операции, преимущественно несложные, поскольку в условиях частного медкабинета невозможно было организовать полноценный послеоперационный уход. Гинекология не относилась к области его профкомпетенции, и Фритч не имел права оказывать связанные с ней услуги.

Но, как видим, оказывал!

Уже в начале XX столетия Детройт являлся автомобильной столицей Америки. Да и всего мира, наверное. Такие вот самодвижущиеся повозки рассекали улицы индустриального гиганта. Кстати, именно такая тачанка впервые убила человека в ДТП, совершив наезд на пешехода на скорости 7 км/час.

Фритч отказался отвечать на вопросы прокурора, апеллируя к конституционному праву не свидетельствовать против себя. Судья назначил залог в 2 тыс.\$, который был немедленно внесён, благодаря чему врач вышел на свободу, не задержавшись в тюремной камере ни на минуту.

На протяжении нескольких месяцев окружной прокурор пытался «склеить» дело в отношении Фритча. Получалось не очень хорошо – никаких прямых улик, доказывающих факт проведения криминального аборта в кабинете Фритча, не существовало. Фамилия врача называлась преподобным Уордом, но сам Уорд находился вне досягаемости Закона и ни разу не был толком допрошен. Да и допрос его, в принципе, мало мог помочь прокурору, поскольку человек, который официально признавался перенёсшим инсульт, мог отвести все неудобные вопросы ссылкой на потерю памяти. Сам же Фритч молчал, продолжал потихоньку зарабатывать деньги и смотрел, куда же в конечном итоге забредёт следствие.

В феврале 1908 г. удача вроде бы улыбнулась окружному прокурору. Детективы сумели отыскать двух независимых свидетелей, которые общались с Эдит Пресли после операции. Это были врачи, владевшие частными санаториями. Имя одного из свидетелей было оглашено – таковой оказалась некая Аннетт Фиске (Annette B. Fiske), владевшая заведением в доме №233 по Кэсс авеню (Cass ave.), имя другого прокурор почему-то не назвал. [Не совсем понятно, в чём там было дело, но Робисон в силу неких причин предпочёл скрыть имя и фамилию этого человека].

Показания этих свидетелей оказались довольно схожи. К ним в поисках помощи обращалась Эдит Пресли, и оба свидетеля ей в помощи отказали. И объяснили почему. Они сказали Эдит, что по существующим медицинским правилам послеоперационную помощь и надзор должен проводить лечащий врач, то есть тот специалист, кто операцию проводил. То, что врач уклонился от этой обязанности, означает, что он прекрасно осведомлён о незаконности проведённой операции [очевидно, речь идёт о большом сроке беременности, при котором аборт прямо запрещён Законом]. Если Эдит настаивает на оказании ей помощи, то она должна будет сообщить свою настоящую фамилию и место проживания, назвать фамилию врача и место проведения операции, а также повторить своё заявление полиции.

Эдит отказалась от помощи на таких условиях и ушла. Она не хотела подвергать опасности «честное имя» и репутацию Джорджа Фритча. И тем самым обрекла себя на смерть. Глупая девочка пожалела негодяя, который её и не думал жалеть. Точнее, даже двух негодяев – про преподобного Уорда, заварившего всю эту кашу, тоже забывать не следует!

Вполне возможно, что прокурор Робисон умышленно сообщил прессе фамилию одного из свидетелей. В тот же день он оформил ордер на арест Фритча, мотивируя необходимость подобной меры тем, что доктор, оставаясь на свободе, сможет оказать давление на Аннетт Фиске. Повод, строго говоря, несколько надуманный, поскольку показания Аннетт ничем прямо Фритчу не угрожали, но... судья не стал ломать голову и ордер подписал.

Так что Фритчу, в конце концов, пришлось заехать в окружную тюрьму и провести там 1,5 месяца.

Тем не менее этот успех ничего, кроме внутреннего удовлетворения, не принёс ни обвинению, ни родным умершей женщины.

По постановлению судьи было собрано Большое жюри, призванное оценить имевшуюся в распоряжении правоохранительных органов доказательную базу. По результатам рассмотрения собранных материалов и заслушивания свидетелей жюри постановило дело в отношении доктора Фритча прекратить ввиду невозможности доказать его вину, а в отношении преподобного Уорда приостановить до поправки здоровья.

Как догадается самый проницательный читатель, здоровье у священника так никогда и не поправилось, и в пределы штата Мичиган тот никогда не вернулся. Так что дело закончилось само собой. И не то чтобы полным пшиком, а просто безрезультатно.

Если бы история на этом действительно закончилась, настоящий очерк никогда бы не появился. Автор просто не стал бы тратить на него время, посчитав сюжет неинтересным для читателя. Но на самом деле криминальная история в апреле 1908 г. не закончилась – тогда она только началась.

Во вторник 6 сентября 1909 г. на западе Детройта в водах тихой речушки Экорс-крик (Ecorse creek) была найдена большая сумка из холстины, зашитая толстой суровой ниткой. Найдена она был случайно – крючок рыболова крепко зацепился за ткань, в результате чего тяжёлую сумку, лежавшую на дне, удалось поднять наверх. В сумке оказались человеческие ноги. Две штуки. Судя по отсутствию волос и размерам – женские.

Экорс-крик была тихой и неглубокой речушкой, заросшей по обоим берегам густой растительностью, затруднявшей подход к воде. Из-за пологости дна здесь не было бурных течений и сильного движения потока в придонной области, а потому опущенный в реку предмет не мог уплыть далеко. Если только остальные части тела преступник бросил в реку неподалёку от того места, где были найдены ноги, стало быть, примерно в том же районе их и следовало искать.

Служба шерифа округа Уэйн (Wayne) при поддержке полиции Детройта деятельно принялась за осмотр как дна реки, так и её берегов. Очень быстро – не прошло и суток! – отыскали вторую сумку из мешковины, во всём напоминавшую первую. Она была из той же ткани, того же размера и оказалась зашита точно такими же крупными стежками толстой суровой нити. Сумка была найдена на дне на мелководье буквально в 2—3 метрах от берега. Густой кустарник, нависавший над водой, отлично скрывал предмет от глаз посторонних, но он же и помешал преступнику вытолкнуть сумку на глубину.

Экорс-крик и по сей день является местом довольно живописным и диким, густая растительность скрывает берега и затрудняет подход к воде. Именно в таком вот месте под густыми ветвями кустов и был притоплен второй мешок с женскими останками.

В найденной сумке находилось тело молодой женщины без ног. Когда найденные накануне ноги приложили к телу, места расчленений полностью совпали. Не могло быть никаких сомнений в том, что ноги и тело ранее составляли единое целое. Несмотря на отделение ног хирургическим способом, следы насилия – царапины, осаднения кожи, гематомы и прочие – визуально не определялись, что казалось до некоторой степени странным и рождало многочисленные вопросы о том, что именно и почему произошло с расчленённой женщиной?

Но самой первой задачей, стоявшей перед службой шерифа округа Уэйн и полицией Детройта – ещё даже до выяснения причины смерти – являлось установление личности убитой. Поскольку тело было «собрано» полностью, можно было установить точный рост и вес мёртвой женщины, цвет глаз и волос, а кроме того, опознанию могла помочь особая примета – родинка над верхней губой слева. И тут детективам полиции очень повезло, буквально в третьей гости-

нице, в которую они обратились за справкой, неизвестную женщину опознали. При поселении она заполнила карточку, в которой назвалась «Мэйбелл Миллман» («Maybelle Millman»), и в качестве места проживания указала город Энн-Арбор, расположенный на удалении 20 км от тогдашней западной границы Детройта.

Как выяснилось через несколько часов, женщина использовала подлинное имя и фамилию, поэтому уже к середине дня 8 сентября детективы постучались в дом её родителей. Те были шокированы вестью о смерти и расчленении дочери, они ничего не могли сообщить детективам по существу дела. Выяснилось, что 29 августа Мэйбелл заявила родителям, что ей надо отправиться в Детройт по просьбе школьной подруги Марты Хеннинг (Martha Henning), которая очень ждёт её для подготовки к свадьбе и даже выслала Мэйбелл деньги на поездку.

Учитывая то, чем эта поездка закончилась для Мэйбелл, ссылка на таинственную Марту звучал очень подозрительно. Причём детективы не думали, будто родители убитой их обманывают – нет! – на самом деле они решили, что это Мэйбелл Миллман обманула отца и мать. Это подозрение нашло косвенное подтверждение в том, что в бумагах Мэйбелл не оказалось писем от Марты, датированных августом. Хотя Марта Хеннинг действительно существовала и обучалась в одной школе с Мэйбелл.

Детройт начала XX столетия.

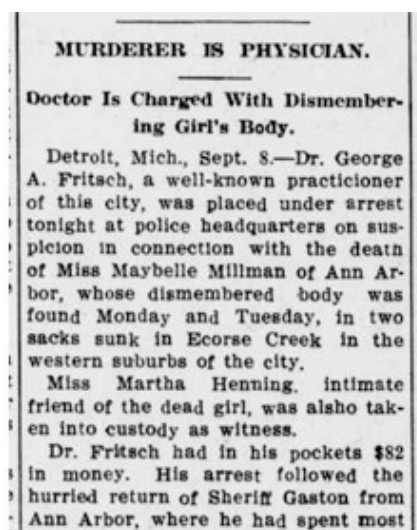
Чтобы подтвердить либо, напротив, исключить факт переписки Мэйбелл и Марты в последние недели жизни первой, окружной шериф Джон Гастон послал официальный запрос в Вашингтон в администрацию Почтового департамента США [это предтеча современного федерального агентства USPS]. В нём он просил проверить – если только это возможно – велась ли переписка между Хеннинг и Миллман в июле и августе 1909 г.? И если да, то с какого адреса Хеннинг отправляла свои послания?

В это же самое время – то есть к середине дня 8 сентября – из службы коронера поступила информация о результатах вскрытия трупа Мэйбелл Миллман. Женщина умерла из-за обильной кровопотери, вызванной повреждением стенки матки при проведении аборта. Отделение ног осуществлялось хирургическим инструментом и являлось посмертным. Давность наступления смерти судмедэксперт определил в «приблизительно неделю» до момента проведения аутопсии [то есть 31 августа – 2 сентября].

Таким образом, случившееся с Мэйбелл Миллман можно было квалифицировать как неумышленное убийство. Понятно, что врачу, оказывающему квалифицированную помощь в условиях стационара, нет нужды прятать тело умершего пациента и тем более делать это так, как это было проделано в случае с Мэйбелл – с отрезанием ног, зашиванием в холстину и последующим утоплением в реке... Врач явно проводил криминальный аборт и, столкнувшись со смертью женщины, посчитал необходимым спрятаться от Закона посредством сокрытия трупа. То, что он поступает с доверившимся ему человеком хуже, чем с бездомной собакой, его ничуть не волновало. По-видимому, между врачом и Миллман не существовало никакой явной связи, и он был уверен, что, избавившись от тела, обезопасит себя.

Капитан детективов полиции Детройта МакКоннелл (McConnell) прекрасно помнил историю Эдит Пресли и поведение доктора Фритча двумя годами ранее. Проанализировав всю собранную к вечеру 8 сентября информацию, капитан дал поручение своим подчинённым доставить доктора в отдел. Против того не было никаких улик, только интуиция опытного сыщика, но поговорить с Джорджем Фритчем следовало непременно.

Врача привезли в здание Департамента полиции, и его появление не укрылось от глаз репортёров, традиционно дежуривших у входа и в вестибюле. Все они прекрасно помнили Фритча по расследованию 1907 г., да и без того доктор был хорошо известен в городе. Журналисты видели, как Фритча уводили на допрос, а затем выводили обратно и усаживали в полицейский экипаж с решётками на окнах. На следующий день в газетах появились заметки о задержании Фритча и проведённом допросе, после которого доктора трясло так, что он не мог отвечать даже на простейшие вопросы.

Одна из заметок в вечернем номере от 8 сентября 1909 г. с сообщением о допросе доктора Фритча по подозрению в причастности к убийству Мэйбелл Миллман.

Мы не знаем, о чём именно и как капитан МакКоннелл разговаривал с доктором Фритчем, но последний очень испугался. Верный своей привычке не разговаривать с полицейскими, он потребовал вызвать адвоката и более не произнёс ни слова, но его поведение показалось капитану детективов до такой степени красноречивым, что в тот же вечер он допустил умышленную «утечку информации», сообщив журналистам, что Фритч подозревается в убийстве Мэйбелл Миллман.

9 сентября в местных газетах уже всю обсуждался вопрос об обоснованности подозрений в отношении доктора Фритча.

Далее, однако, ничего не последовало. Обыск кабинета, в котором доктор принимал пациентов, ничего не дал – никаких записей, связанных с Миллман, никаких вещей, которые

можно было бы предъявить родным для опознания... Медсестра, ассистировавшая Фритчу, ничего не знала – и это представлялось вполне понятным. Вряд ли доктор – человек, в общем-то, неглупый и знающий жизнь – решаясь на криминальную операцию, не удалил бы потенциального свидетеля. Сам доктор молчал, как рыба об лёд.

По прошествии 3-х суток стало ясно, что улики против Фритча нет и судья ордер на арест не подпишет. Фритч вышел из здания полицейского департамента с гордо поднятой головой, насладившись официальным извинением капитана МакКоннела за необоснованное задержание.

Но это был не конец истории, как, может быть, кто-то подумал. Поскольку 16 сентября шериф Гастон получил ответ из Почтового департамента США, в котором содержалась не только сводная ведомость переписки Мэйбелл Миллманн и Марты Хеннинг, но и приводился актуальный почтовый адрес последней. По указанному адресу немедленно выехали детективы, Марта была найдена и доставлена в полицию для допроса.

Девушка подтвердила справедливость версии, которой руководствовались правоохранители – Мэйбелл забеременела вне брака и, опасаясь компрометации и домашнего скандала, решила на аборт. У неё не было денег на операцию, и она пропустила время, тем самым лишив себя возможности легально избавиться от плода в условиях стационара. Она попросила деньги у лучшей подруги – Марты – и та её выручила, хотя и сама жила очень скромно. В конце августа Хеннинг выслала Мэйбелл потребную сумму – речь шла о 100\$ – и последняя отправилась в Детройт, отпросившись из дома под благовидным предлогом.

Так выглядела общая схему случившегося, но Марта дополнительно сообщила важные детали. Во-первых, она заявила, что перед отправкой 100\$ по почте переписала номера банкнот и передала их список допрашивавшим её детективам. А во-вторых, Марта рассказала о том, что встретила Мэйбелл по приезду в Детройт и сопровождала её к врачу, который должен был провести аборт. Она видела этого врача и могла его опознать!

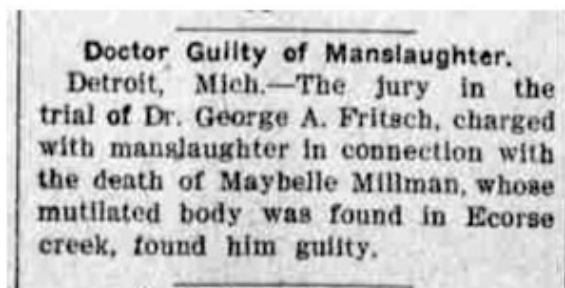
Сообщённая свидетельницей информация оказалась для следствия исключительно ценной. Дело заключалось в том, что при задержании Фритча 8 сентября при нём были найдены 82\$ в банкнотах и монетах. Номера банкнот были переписаны, и 3 номера совпали с номерами из списка Марты Хеннинг! Это означало, что произошла передача денег от умершей на операционном столе женщины к врачу, и если адвокаты Фритча могли оспаривать его опознание Мартой, доказывая ошибочность оно, то передача денег однозначно привязывала доктора к умершей.

Ни один адвокат не смог бы отвести такую улику! Ни один суд не посмел бы усомниться в её изобличающей силе!

19 октября доктор Фритч был повторно взят под стражу. Теперь уже с соблюдением всех формальностей – ордером и помещением в окружную тюрьму. Судья отказал в выпуске под залог, и Джордж Фритч оказался вынужден куковать на нарах до суда. Сложно сказать, о чём он думал и к чему готовился, будучи человеком неглупым, он явно понимал, что ему корячится тюремная отсидка.

В марте следующего 1910 года состоялся суд. Фритч вполне ожидаемо отказался от дачи показаний, предоставив адвокатам говорить вместо себя. В связи с этим в деле остались невыясненные моменты, в частности, никто так и не узнал, что стало с одеждой и личными вещами Мэйбелл Миллман. Понятно было, что доктор избавился от них, но где и как он это сделал, никто так и не узнал. История с неудачным абортom и последующим расчленением умершей женщины, как и последующее поведение доктора, производили совершенно омерзительное впечатление, в Детройте в те дни, наверное, не нашлось бы ни одного человека, сочувствовавшего обвиняемому.

7 марта 1910 г. доктор Джордж Фритч за убийство 2-й степени был приговорён к 5 годам лишения свободы. Присяжные совещались буквально 15 минут – дело представлялось настолько ясным, что обсуждать им было нечего.

7 марта 1910 г. мичиганские газеты сообщили читателям о вердикте присяжных и последующем осуждении доктора Фритча к 5 годам лишения свободы.

Шли годы. Началась Первая мировая война, промышленный Детройт переживал колоссальный бум, связанный с ростом военных заказов и притоком населения. История доктора-убийцы как-то позабылась... Да и то сказать, кто он такой, чтобы люди его помнили?!

В ночь на 21 августа 1917 г. в больнице умерла некая Кристин Гордон (Christine Gordon), 29-летняя замужняя женщина, поступившая с диагнозом «маточное кровотечение». Женщину доставил в больницу её муж Гарри (Harry Gordon), сообщивший, что Кристине несколькими часами ранее был проведён аборт, после чего ей сделалось плохо. Муж, перепуганный происходящим, путался в показаниях, он сказал, что ему неизвестны имя и фамилия врача, проводившего операцию, и адрес абортария он тоже не знает, но, наверное, сможет показать на местности...

Кристина находилась под остаточным действием сильной анестезии, но была контактна и могла отвечать на вопросы. Пока врачи боролись за спасение её жизни, больничный адвокат Джозеф Бобиэл (Joseph Bobiel), вызванный к больной, показал ей фотографию Джорджа Фритча. Следует отдать должное адвокату – тот быстро понял, какой коновал «лечил» Кристину. Последняя уверенно опознала Фритча, что явилось немалым потрясением как для самого адвоката, так и окружавшего его медперсонала. Все они были уверены, что Фритч по-прежнему находится в тюрьме!

Ан нет...

После смерти Кристин Гордон в больницу были вызваны полицейские. Детективы, услышав о Джордже Фритче, тоже схватились за головы: неужели Доктор-«смерть» вернулся? Оказалось, что после 1,5-летнего пребывания в тюрьме Джонсон доктор нанял лучшую адвокатскую фирму Детройта, которая подала в Верховный суд штата прошение об условно-досрочном освобождении заключённого, и того освободили! Это была не апелляция, не отмена приговора, а именно условное освобождение. Всего же доктор отбыл за решёткой 2 года. Как можно было условно освобождать преступника, отбывшего 2 года из 5, осталось загадкой. Условно-досрочное освобождение обычно назначается по отбытии 2/3 срока и более.

Расследование этого дело было поручено частному сыскному агентству «Grossman, Grove and Wilson», то есть Департамент полиции Детройта отдал дело на аутсорсинг. Не совсем понятно, почему так получилось, возможно, потому, что дело считалось довольно очевидным.

Частные детективы покатались по Детроиту в компании с Гарри Гордоном, и тот показал место, куда привозил умершую жену для проведения операции. Это был дом №172 по Хай-стрит-вест (High str. west), в нём находился офис доктора Фритча. Гордон не только опознал врача, вышедшего из подъезда, но и сообщил кое-какие любопытные детали о своём общении с ним. Фритч требовал за операцию 100\$, а Кристина имела при себе только 25\$. Когда Фритч узнал, что у женщины не хватает денег, он выскочил из кабинета и с воплями набросился на Гарри. Вот тут бы, конечно, Гарри схватить жену под мышки, да и бежать вон, поскольку разгневанный доктор со скальпелем в руке – это не тот гинеколог, который поможет здоровью. Но...

В общем, Фритч не отказался от операции, что, согласитесь, выразительно характеризует этого человека. То есть человек работает по «такому-то прайсу», но если у вас нет денег, то можно и за четверть цены. Вот она – жажда стяжания! Как людей-то корёжит, которые, взяв однажды деньги, неспособны уже выпустить их из рук.

Доктор Фритч фактически зарезал Кристин Гордон и объявил её мужу, что тот остаётся должен 75\$, которые обязан принести в течение недели.

Частный детектив Марк Гроссман 24 августа позвонил в офис доктора Фритча и пригласил того для беседы. Доктор явился. По результатам разговора Марк Гроссман и доктор в сопровождении нескольких частных детективов отправились в полицию, а оттуда в суд для оформления ордера на арест.

Судья, увидав хорошо знакомого коновала – его, похоже, знал весь город! – без долгих разговоров подписал ордер на арест и назначил залог в 5 тыс.\$. Это была огромная сумма для того времени, что-то около 200 тыс.\$ в современном эквиваленте. Расчёт судьи был ясен – такую сумму доктор не отыщет и посидеть в под замком ему придётся.

Одна из заметок в местной газете о ходе расследования смерти Кристин Гордон.

Ан нет! Адвокаты Рифтерсон и Мурта в течение нескольких часов внесли необходимую сумму, и Фритч встречал новый день в собственной кровати. Вот такое оно – американское правовое государство в своём безобразном естестве!

Что последовало далее? Доктор Джордж Фритч от суда не ушёл, да он, собственно, и не ставил перед собой такой задачи. Судебный процесс несколько раз переносился, но в конечном итоге Фритч был оправдан.

После чего вернулся к своей медицинской практике.

Минул год, и в сентябре 1918 г. ситуация повторилась до мельчайших деталей. Доктора Фритча задержали по обвинению в непредумышленном убийстве Виктории Роленды (Victoria Rolenda), скончавшейся после криминального аборта, проведённого этим самым, с позволения сказать, доктором. Снова последовало назначение залога в 5 тыс.\$ и стремительное внесение нужной суммы на судебный депозит.

Рассказывать об этой истории вряд ли следует. Как поётся в любимой песне Георгия Кривонищенко «всё опять повторится сначала» – это как раз про очередную суд над доктором-коновалом. Мичиганская пресса внимательно следила за расследованием и судом, по результатам которого доктор Джордж Фритч вышел с гордо поднятой головой полностью оправданным.

Газеты, издававшиеся в США на немецком языке, внимательно следили за расследованием и последующим судом, связанными с обвинением доктора Фритча в непредумышленном убийстве Виктории Роленды.

И если кто-то подумал, что, в конце концов, какому-то равнодушному американцу надоела эта пародия на правосудие и этот самый равнодушный американец взял в руки берданку и снёс доктору-убийце голову, то сразу внесём ясность – ничего подобного не случилось. Доктор преспокойно жил и прожил, кстати, долгую жизнь. Жил сытно, в достатке, считался успешным в делах. На старости лет он женился на девушке младше его на 30 лет и успел пожить ещё и с нею.

И умер Доктор-«смерть» лишь в декабре 1958 г. в возрасте 89 годков.

Воистину это был человек, которому всё было как с гуся вода. Феерический персонаж, что и говорить! Он неоднократно убивал молодых женщин, проводя запрещённые законом операции, и никто ничего не мог ему за это сделать, ибо 2-летняя тюремная отсидка – это всё-таки не наказание за то, как он обошёлся с Мэйбелл Миллман. Его даже из профессии не изгнали, не запретили заниматься медицинской деятельностью.

Могила доктора Джорджа Фритча, родившегося 1 марта 1867 г. и благополучно скончавшегося 9 декабря 1958 г. Этот человек умудрялся регулярно убивать молодых женщин и всегда выходил сухим из воды.

История, конечно же, поразительная! Наводящая на размышления самого разного характера.

Речь даже не о складе характера, мышлении и криминальном поведении пресловутого доктора – понятно, что это бессовестная гнида, которая пользовалась безвыходным положением людей. Речь о другом.

Задумайтесь над тем, как изменились общественные нравы. Сто лет назад молодые женщины, забеременевшие вне брака, становились по умолчанию социальными изгоями, объектами всеобщего порицания. Они боялись осуждения даже собственных родителей, причём не в последнюю очередь, а в первую. Все они решались на аборт, скрывая своё решение от родителей [единственное исключение Кристин Гордон, но она была замужем]. То есть страх родительского гнева был таким, что молодые женщины предпочитали пойти под нож в подпольном абортарии, нежели обратиться к близким за помощью и поддержкой.

Автор ни в коем случае не выступает за сексуальную разнузданность и, вообще, никогда не был сторонником абсолютной свободы во всём, но подобное жёсткое табуирование секса – это ведь тоже ненормально. В том числе потому, что подобное ограничение несёт в себе вызов человеческой природе.

Сколько всего женщин умерло от «помощи» доктора Фритча, знает, наверное, только сам доктор Фритч. С большой вероятностью таковых жертв было много более 4-х, поименованных в этой краткой заметке. Это отдельно взятый Ракин, находящийся в России, в городе Санкт-Петербурге, сумел отыскать свидетельства 4-х преступлений, а человек, имеющий непосредственный доступ к архивам Департамента полиции Детройта, вполне возможно, отыщет много больше имён и фамилий.

Существует метафора, гласящая, что у всякого опытного врача имеется персональное кладбище. В том смысле, что у опытного врача во время лечения умерло так много пациентов, что их хватило бы на целое кладбище. Понятно, что врачебный опыт нарабатывается в том числе и ошибками, а цена ошибки при лечении – здоровье и сама жизнь больного. Спорить с этим глупо, а потому незачем.

В случае с доктором Фритчем эта метафора из образного иносказательного выражения превратилась в констатацию факта.

К сожалению, Правосудие торжествует не всегда. История доктора Фритча – один из ярких тому примеров. Это нехорошо, это неправильно, так быть не должно. Но тот, кто внимательно читает «Загадочные преступления прошлого...», знает, что жизнь намного хитрее азбучных истин, и добро не всегда торжествует, и зло не всегда оказывается наказанным.

Месть «Лиса»

Около полудня 15 декабря 1927 г. на пороге школы для девочек «Маунт-Вернон джуниор хай скул» (Mount Vernon Junior High School) в районе Лафайет-сквер (Lafayette Square) в Лос-Анджелесе появился взволнованный молодой человек, попросивший препроводить его к директору. Когда он оказался в кабинете директора Мэри Холт, то, сдерживая эмоции, сообщил, что отец одной из учениц – 12-летней Френсис Мэрион Паркер (Frances Marion Parker) – тяжело болен и хотел бы срочно увидеться с дочерью. Доверительно понизив голос, молодой человек добавил, что вообще-то мистер Перри Паркер (Perry M. Parker) серьёзно травмирован в автоаварии и имеются сомнения в том, что он доживёт до утра, поэтому...

Миссис Холт схватила за сердце. Она хорошо знала Перри Паркера – это был работник лос-анджелесского отделения «First National Bank», человек симпатичный, солидный и всеми уважаемый. Перри являлся отцом 3-х замечательных детей – сына Перри, названного в честь отца, и двух девочек-близняшек – Мэрион (Marion) и Марджори (Marjorie).

Здание «Маунт-Вернон джуниор хай скул». Эта школа для девочек в 1920-х гг. считалась если и не элитарным, то всё же солидным учебным заведением, в котором учились дочери предпринимателей, политиков и чиновников средней руки.

Ужасное известие, что называется, выбило миссис Холт из колеи. Женщина совершенно не критично восприняла услышанное, ей даже в голову не пришло позвонить по домашнему телефону Паркеров или в банк, хотя нужные номера телефонов были записаны в её журнал именно на случай разного рода чрезвычайных происшествий. Мэри Холт не только отпустила девочку с незнакомым молодым мужчиной, чьи документы она не потрудилась проверить, и даже имя не спросила, но допустила и ряд других грубейших ошибок.

В частности, Мэри Холт не зафиксировала внимание на той немаловажной детали, что молодой человек почему-то просил отпустить с ним одну из двух дочерей. Сама по себе такая разборчивость отца, желавшего видеть лишь одну из близняшек, должна была вызвать недоумение и насторожить. Более того, появившийся в кабинете Холт молодой человек явно не знал, какая из двух девочек ему нужна. Сначала он попросил отпустить с ним «младшую», но когда Мэри Холт переспросила; «Что значит младшую, они же родились в один день?» – тут же поправился и уточнил, что мистер Паркер хочет видеть «меньшую». Уже одно это

должно было насторожить директора, но, как сказано выше, этого не случилось. Более того, даже по прошествии нескольких часов ничего в мозгу почтенной дамы не щёлкнуло и не побудило её связаться с семьёй отпущенной с занятий школьницы.

Странная доверчивость женщины, приставленной как раз для соблюдения интересов девочек и заботы об их безопасности, впоследствии вызвала обоснованные вопросы, на которые Мэри Холт ответить не смогла. Все её объяснения сводились к незатейливой формулировке – заволновалась, дескать, и растерялась!

Так началась история, названная впоследствии «самым громким преступлением в Лос-Анджелесе 1920-х годов». И забегая чуть вперёд, можно сказать, что огрехи Мэри Холт на фоне тех ляпов, что продемонстрируют герои и антигерои этой трагедии, покажутся отнюдь не исключительными и даже не вопиющими. В этой криминальной драме её участниками будет допущено очень много вопиющих ошибок – и это вовсе не издевательская оценка автора, а бесспорный факт. В последующие десятилетия разбор данного криминального сюжета был включён в курсы подготовки оперативного состава спецслужб США [прежде всего ФБР, но и не только] в качестве иллюстрации того, как оперативники работать не должны.

Итак, Мэрион Паркер ушла из школы с взволнованным молодым человеком и... пропала. В школе закончились занятия, вторая из дочерей якобы раненого Перри Паркера спокойно отправилась домой в школьном автобусе [примечательно, что в школе ей никто ничего не сказал о тяжёлом ранении отца!], и лишь после 18 часов начались телефонные звонки директору. Сначала позвонила мать пропавшей девочки – Джеральдина Паркер (Geraldine Heisel Parker) – а буквально через 10 минут с директором связался и сам якобы умиравший Перри Паркер.

Перри Паркер. Это был солидный и всеми уважаемый человек, ко времени описываемых событий он уже более четверти века работал помощником кассира в отделении «First National Bank» в Лос-Анджелесе.

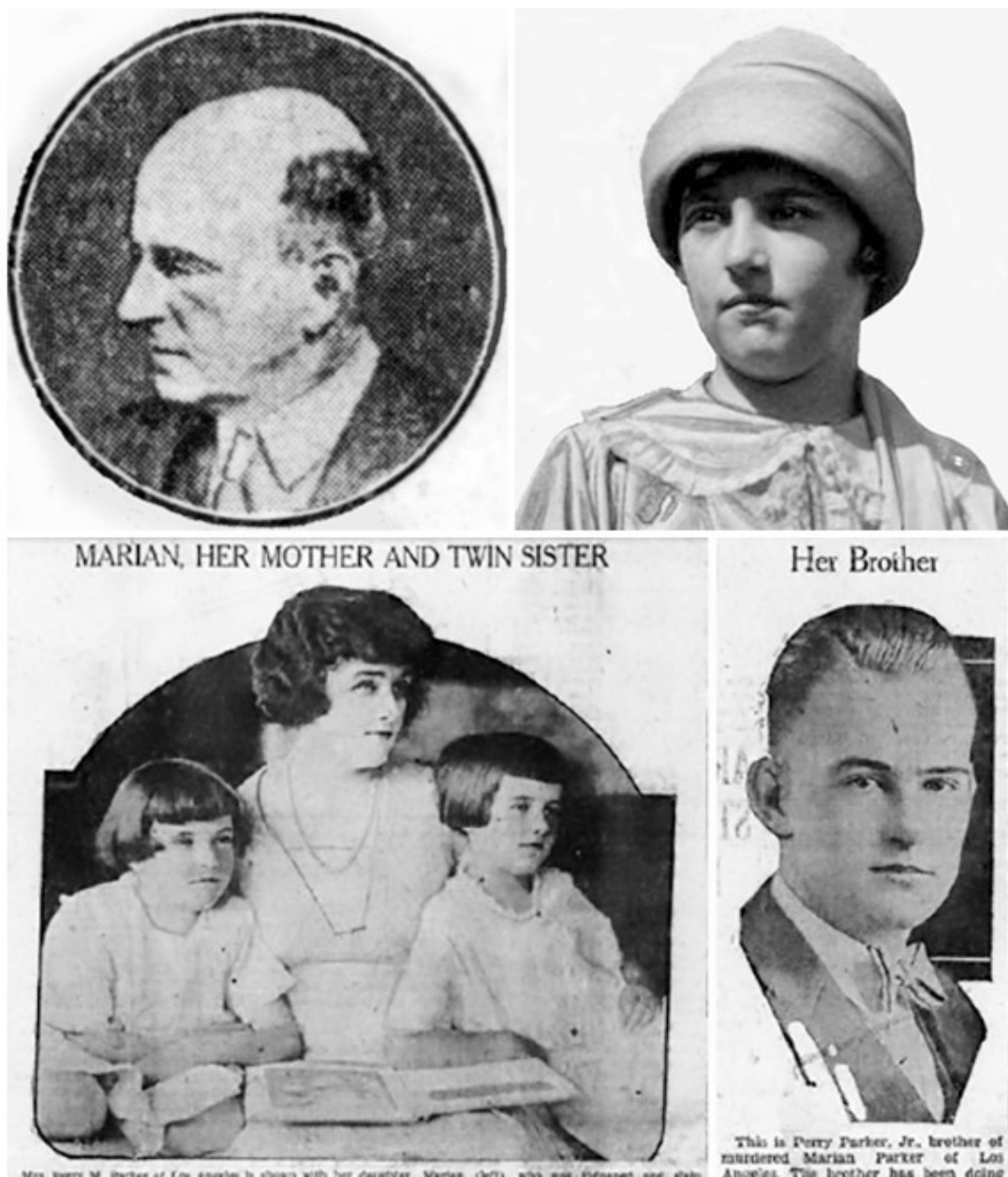
Не прошло и четверти часа, как в школе появились детективы Департамента полиции Лос-Анджелеса. Другая пара детективов посетила дом семьи Паркер, расположенный по адресу №1631 Южная-Уилтон-плейс (S. Wilton Place). Уже после ухода детективов, опросивших родителей, старшего брата и сестру пропавшей девочки, почтальон доставил в дом 2 телеграммы, отправленные с интервалом в 40 минут из разных районов Лос-Анджелеса: первая из Пасадены, вторая – Альгамбры (Alhambra). Телеграммы были подписаны одним именем – «Джордж Фокс» – и имели одинаковое содержание, гласившее, что надлежит ожидать дальнейших сообщений и не пытаться чинить препятствия.

Хотя содержание телеграмм на первый взгляд не казалось подозрительным, в контексте случившегося с Мэрион получение этих сообщений выглядело зловеще. Кроме того, Паркерам не был знаком отправитель – и эта деталь лишь укрепила их уверенность в том, что похититель дочери вышел на связь. Перри и Джеральдина после небольшого совещания решили скрыть от полиции получение этих сообщений, посчитав, что вмешательство «законников» поставит жизнь дочери под угрозу. Придя к такому решению, они уничтожили обе телеграммы и на протяжении нескольких последующих суток никому о них не сообщали.

Разумеется, самодеятельность родителей заслуживает порицания. Они не просто скрыли факт того, что похититель вышел с ними на связь, но и уничтожили важные улики. Из-за утраты последних полиция не смогла своевременно установить места, откуда были переданы телеграммы, и время их отправления. Если бы детективам удалось побеседовать с почтовыми работниками спустя несколько часов после того, как они приняли телеграммы от подозреваемого, в распоряжении правоохранительных органов уже вечером оказался бы словесный портрет предполагаемого преступника. Его сличение с тем описанием, что дала Мэри Холт, могло бы сообщить «законникам» ценную ориентирующую информацию. Но этого не случилось!

Нельзя также не отметить и крайнюю беспечность, проявленную полицией. Никому из детективов не пришло в голову разместить в доме Паркеров засаду, никто не озаботился организацией прослушивания телефонных звонков по домашнему телефону и перлюстрацией всех почтовых отправлений, адресованных семье. Телеграммы должны были быть перехвачены полицией до того, как попали в руки Перри и Джеральдины – если бы это случилось, то настоящая история получила бы совсем иное направление и иной финал. К сожалению, прошедшее не знает сослагательного наклонения. Вдвойне досадно и то, что допущенная полицейскими ошибка оказалась отнюдь не последней.

Расследование похищения возглавил лично шеф детективов лос-анджелесской полиции Герман Кляйн (Herman Cline). Уже первые версии связывали произошедшее с членами семьи Паркер. То, что злоумышленник явился в школу, где учились сёстры, и то, что он знал имя отца, явно свидетельствовало об осведомлённости этого человека о деталях личной жизни главы семейства.

Члены семьи Паркер (фотографии из газет и журналов 1927—1928 годов). Слева направо: Перри Паркер-старший; его супруга Джеральдина с дочерьми Мэрион (слева) и Марджори; Перри Паркер-младший; Френсис Мэрион Паркер.

Паркер-старший родился 16 декабря 1879 г. в штате Пенсильвания. На описываемый момент времени ему исполнилось 48 лет. Похищение дочери, кстати, пришлось в канун дня рождения отца, и тут впору было задуматься, явилось ли это обстоятельство простым совпадением, или же злоумышленник в свои действия закладывал некий подтекст. Перри переехал в Калифорнию совсем ещё молодым мужчиной и в 1900 г., в возрасте 20 лет, устроился работать в лос-анджелесское отделение «First National Bank», где и отработал без единого замечания вплоть до декабря 1927 г.

Перри был женат и вроде бы женат удачно. Джеральдина была младше мужа на 10 лет — она родилась 7 января 1888 г. — и всё ещё оставалась очень привлекательна. Все, знавшие семью Паркер, утверждали, что Перри любит Джеральдину, и нет ни малейших оснований подозревать существование между супругами скрытого конфликта.

Сын – Перри Уиллард Паркер (Perry Willard Parker) – родился 14 июня 1907 г., и на момент похищения младшей сестры ему шёл уже 21-й год. Перри-младший вызвал к себе ряд вопросов детективов, его несколько раз допрашивали, подозревая причастность к случившемуся с сестрой. Впоследствии молодой человек был очищен от всех подозрений, и представитель полиции даже официально поблагодарил его за содействие расследованию.

Семья вроде бы не имела врагов или серьёзных конфликтов в прошлом и настоящем. Из всего, что можно было бы считать серьёзным конфликтом, Перри Паркер-старший вспомнил только неприятную историю, произошедшую не без его участия в минувшем 1926 г. по месту работы. Тогда в банке несколько раз «всплывали» поддельные чеки, и возникло подозрение, что их запускает в оборот некто из банковского персонала. Паркер принял участие во внутреннем расследовании. Перри занимал должность «помощника кассира», но следует иметь в виду, что в данном случае «кассир» – это не тот человек, который сидит за стеклом в кабинке и принимает к оплате деньги и чеки, а руководитель расчётно-кассового подразделения. Перри по роду своей деятельности контактировал примерно с 200 работниками банка – не надо удивляться такому числу занятых, ведь речь идёт о 1920-х гг., когда не существовало компьютеров, и все зачисления и списания денег требовали рукописных записей в журналах и их ежедневной сверки в конце дня.

Внутреннее расследование вывело на некоего Уильяма Хикмана (William E. Hickman), совсем молодого стажёра, приехавшего в Лос-Анджелес со Среднего Запада, из города Канзас-сити. Хикман казался неплохим парнем и подозрений не вызывал, но проведённый с участием Паркера оперативный эксперимент убедительно показал, что с чеками балуется именно Хикман. Частный детектив под видом клиента вручил Хикману настоящий чек, а в конце дня Хикман сдал поддельный, забрав настоящий. В общем, сметливого юношу быстро вывели на чистую воду, но тот вместо того чтобы извиниться и компенсировать понесённый банком убыток, принялся ломать комедию – стал всё отрицать, принялся изображать из себя оскорблённую невинность и даже плакал... В общем, с молодым человеком – а родился он 1 февраля 1908 года, то есть на тот момент ему едва исполнилось 18 лет! – договорить по-хорошему не получилось, и материалы проверки передали в полицию.

Далее последовал суд, и молодого, но не по годам умного юношу отправили на 3 месяца в тюрьму. Что следует признать вполне гуманным приговором. Перри Паркер давал показания на том судебном процессе.

История с разоблачённым мелким мошенником явилась единственным за последние годы конфликтом, который Перри-старший смог припомнить.

На следующий день – 16 декабря – местные газеты дали первые сообщения о похищении Мэрион Паркер. Информация, изложенная в них, оказалась умышленно искажена. В частности, утверждалось, будто злоумышленник прошёл внутрь школы, самостоятельно отыскал девочку и вместе с нею направился к администрации, что истине не соответствовало. Эту деталь детективы умышленно сообщили газетчикам, дабы по возможности оградить Мэри Холт от гнева родителей учеников и горожан. В 1920-х гг. в США всё ещё процветала практика самосудных расправ («линчевания») равнодушных граждан, и полицейские всерьёз опасались того, что директор школы может пострадать от рук тех, кто сочтёт её виновной в похищении девочки.

Другая не соответствовавшая действительности деталь, также умышленно вставленная в первые сообщения, касалась материального положения семьи Паркер. До сведения газетчиков довели, что Перри занимает небольшую должность в банке и семья не имеет сбережений, а потому требование выкупа, скорее всего, окажется для Паркеров непосильным.

Одна из первых заметок о похищении Мэрион Паркер, датированная 16 декабря 1927 г. С момента исчезновения девочки не прошло ещё и 24-х часов.

В действительности же Паркеры имели сбережения и были твёрдо намерены использовать их для выкупа дочери.

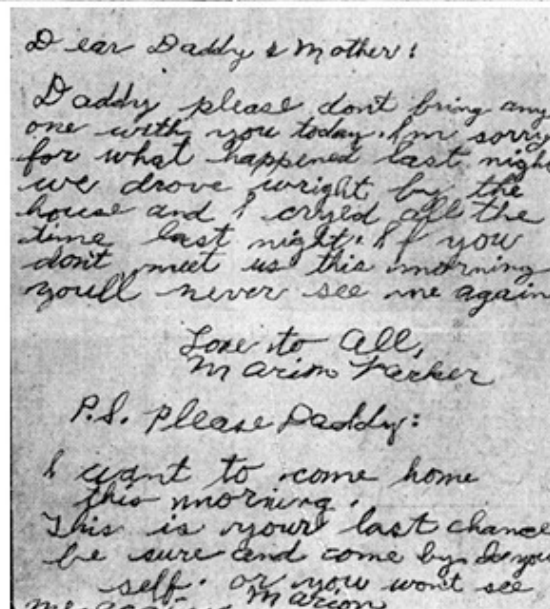
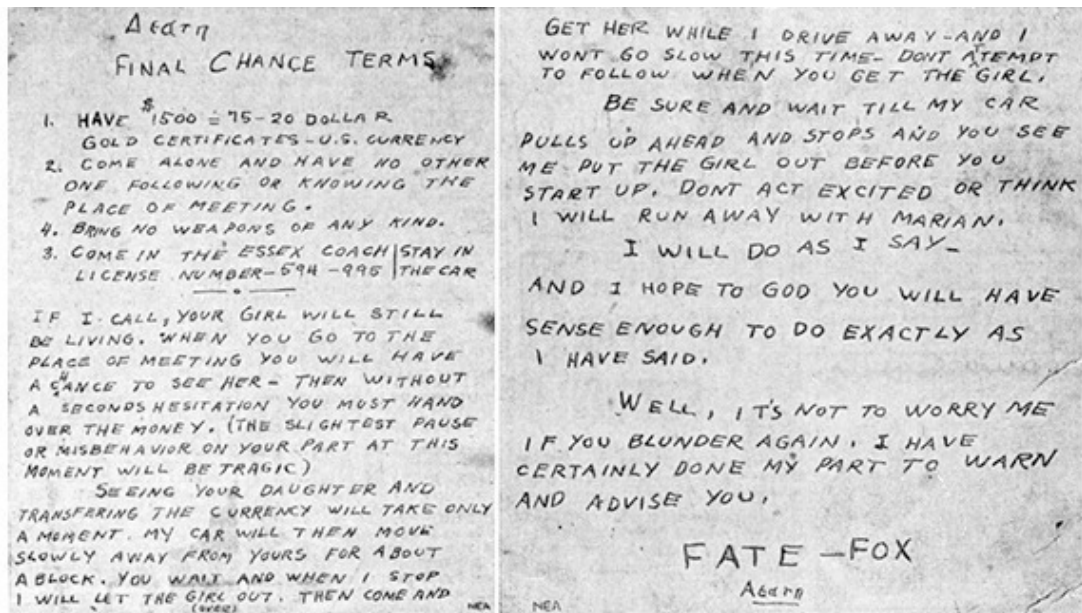
Утром 16 декабря почтальон доставил в дом Паркеров письмо, озаглавленное написанным на греческом языке словом «Смерть». Сообщение начиналось с запугиваний, и автор сообщал, что имеет опасную бритву «Gillette», благодаря которой сможет справиться с ситуацией. Далее в тексте автор сообщал, что его зовут «Фокс» («Лис»), и требовал от Перри Паркера подготовить 1,5 тыс. долларов в золотых сертификатах, которые надлежит передать автору письма по первому требованию. Особо указывалось на то, что Паркеру надлежит ожидать второго письма с детальным описанием того, где, когда и как состоится передача денег.

Полиция, не озаботившаяся контролем почтовой корреспонденции семьи Паркер, ничего о письме не узнала. Сами Паркеры, намеревавшиеся освободить дочь собственными силами, сохранили факт получения письма в тайне.

Не прошло и 3-х часов, как почтальон доставил новое послание, которое также начиналось греческим словом «смерть», а подписано было словами «Fate-Fox» [в зависимости от коннотаций это словосочетание можно было перевести как «Гибельный лис», «Хитрый жребий», «Судьбоносный хитрец»]. После этой подписи также повторялось слово «смерть» на греческом языке, поэтому и его можно было считать подписью преступника.

В письме содержалось требование подготовить 1,5 тыс. долларов в золотых сертификатах номиналом 20\$. С этими деньгами Перри Паркер должен был в одиночку и без оружия явиться на улицу, название которой будет сообщено дополнительно, и остановиться возле автомашины «Essex coach» с номером 594—995. Преступник уверял, что будет находиться в салоне этой машины вместе с Мэрион, отец получит возможность её увидеть, дабы убедиться, что с девочкой всё в порядке. Паркеру надлежало немедленно передать деньги, не пытаясь вступить в разговор с дочерью, после чего автомашина проедет в конец квартала, и девочка будет там высажена. Любая попытка отклониться от изложенного сценария будет иметь самый трагический конец.

К письму преступника была приложена короткая записка, написанная рукой похищенной девочки. В ней Мэрион рассказывала, как плакала минувшей ночью и, обращаясь к отцу, просила его использовать последний шанс для её возвращения домой. Прощаясь, она написала, что любит всех и хочет уже утром оказаться дома.

В середине дня 16 декабря Паркеры получили от преступника второе письмо, в котором излагались условия передачи выкупа (фотографии вверху). К письму была приложена лаконичная записка, написанная Мэрион Паркер (снимок внизу).

И об этом письме полицейские также ничего не узнали. Как и о том, что Перри Паркер позвонил в банк и попросил заблаговременно подготовить для него 75 золотых сертификатов на сумму в 1,5 тыс. \$. Во второй половине дня он съездил в банк, быстро получил деньги и вернулся домой. Все эти подготовительные мероприятия ускользнули от внимания детективов. Между тем, если бы они контролировали телефонные переговоры родителей похищенной девочки и их почту, то история получила бы совсем иное продолжение.

В 19:30 часов в доме Паркеров зазвонил телефон. Неизвестный мужчина дал Перри последние наставления, предостерег от попыток заговорить с дочерью или задержать похитителя и особо предупредил, что у человека в «Essex coach» -е будет при себе пистолет. А это значит, что в случае отклонения от сценария он убьёт не только девочку, но и самого Перри-старшего. При этом звонивший заверил, что если отец в точности выполнит данную ему инструкцию, то девочка вернётся домой уже сегодня вечером. После этого звонивший назвал место и время встречи. И положил трубку.

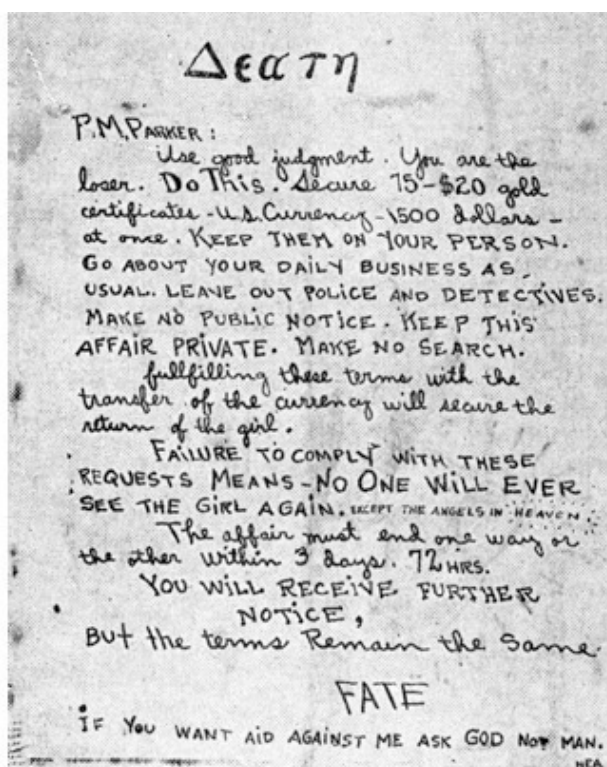
Перри прибыл к назначенному месту встречи заблаговременно и более часа ходил под дождём, высматривая автомашину с номером, который он вызубрил назубок.

Автомобиль похитителя Мэрион так и не появился! Обескураженный произошедшим, Перри Паркер возвратился домой, не зная, что и думать. Его обманули? Разыграли? Это была такая шутка? Надлежит ли сообщить о случившемся полиции?

Ночь с 16 на 17 декабря никто в доме Паркеров не спал. Предчувствие мрачной развязки лишило измученную неизвестностью семью покоя, но новое анонимное письмо, доставленное утренней почтой, подарило надежду.

Из текста, озаглавленного привычным уже словом «смерть» на греческом языке, можно было заключить, что преступник пребывает в крайнем гневе и плохо собой управляет. «Подключи здравый смысл. Ты неудачник.» («Use good judgment. You are the loser.») – так начал своё 3-е послание «Лис», но затем, взяв себя в руки, он в более спокойных выражениях повторил свои прежние требования, сделав особый упор на том, что Перри должен заниматься своими делами, как обычно, дабы не вызвать подозрений полиции. Пожалуй, единственным новым местом, ранее не звучавшим в требованиях преступника, стало указание на то, что «это дело» должно быть закончено в течение 3 суток или 72 часов. Если считать, что с середины дня 15 декабря уже минули почти 2/3 отмеренного срока, получалось, что у Перри Паркера остаётся мало времени.

В конце своего послания «Лис» не без пафоса и самодовольства отметил: «Если ты хочешь противостоять мне, то проси Бога, но не человека».

3-е письмо «Лиса», полученное семьёй Паркер 17 декабря 1927 г.

Письмо, судя по тому, как менялся почерк писавшего, потребовало определённых затрат времени. Хотя текст его довольно короток, преступник наверняка прерывался во время работы. В третьем послании, в отличие от двух предыдущих, выразительно проявился темперамент «Лиса» – до этого он писал тексты лаконичные и функциональные, без эмоциональных «перехлёстов». Хотя автор послания пытался грозить Перри, в действительности появление эмоциональных оттенков свидетельствовало о волнении преступника и даже панике.

Тем не менее появление этого письма означало, что похититель не отказывается от планов обмена. По-видимому, он сильно нуждался в деньгах!

Через 2 часа в доме Паркеров раздался новый телефонный звонок. Преступник повторил свои требования по порядку передачи денег, в целом не изменившиеся, и сообщил место и время новой встречи – пересечение улицы Южный Манхэттен и 5-й авеню в 19:30. Также звонивший объяснил, почему обмен не состоялся накануне. Оказалось, что преступника испугнула машина полиции, припаркованная неподалёку от него. Перри Паркер заверил, что появление автомашины никак с ним не связано – и это была чистая правда! – по-видимому, имело место досадное совпадение.

В 19:30 Перри находился в указанном месте. Он увидел автомашину с названным в письме номерным знаком – это был «Ford roadster T» модели 1926 года – и приблизился к ней сзади. Двигатель машины работал на холостых оборотах. Он видел, что сидевший за рулём мужчина в шляпе наблюдает за ним в зеркало заднего вида. Подойдя совсем близко, Перри увидел второго человека, находившегося в салоне – это была Мэрион, отец моментально узнал её. Девочка, закутанная в плед, сидела неестественно прямо, рук её не было видно, со стороны казалось, будто её плотно спеленали. По-видимому, преступник опасался неконтролируемой реакции девочки и подстраховался на этот случай.

Именно на таком автомобиле «Ford roadster T» модели 1926 года вечером 17 декабря 1927 г. преступник прибыл на место передачи выкупа.

Заметив, что Перри не сводит глаз с дочери, сидевший за рулём мужчина поднял руку, до того опущенную вниз, и направил на Перри револьвер. Незвестный быстро произнёс: «Ты знаешь, для чего я здесь! Никаких глупостей!» На что Паркер ответил: «Я хочу видеть свою дочь». Мужчина за рулём коротко дёрнул головой, указав на пассажирское сиденье, и пояснил: «Девочка спит! Давайте деньги!» Перри, не произнеся более ни единого слова, бросил внутрь салона конверт с 75 сертификатами номиналом по 20\$. Мотор взревел, и автомашина, быстро набирая скорость, поехала по Южному Манхэттену. Перри Паркер с замиранием сердца следил за удалявшимся автомобилем, гадая с замиранием сердца, обманет ли его преступник или сдержит своё «воровское слово», которое, как любили говорить в те времена гангстеры, «крепче любого алмаза».

В конце квартала водитель автомашины резко ударил по тормозам, сбросив скорость. Буквально через секунду-две из салона на проезжую часть вывалилось нечто, похожее то ли на мешок, то ли на кулёк... Это «нечто» неконтролируемо упало на асфальт, после чего автомо-

биль с преступником вновь ускорился и быстро исчез вдаль. Перри Паркер побежал к выпавшему из машины мешку – если это действительно была Мэрион, то она могла сильно удариться при падении!

Подбежав к тому, что должно было быть его дочерью, потрясённый отец остановился. У того, что он видел перед собой, не было ни рук... ни ног... хотя голова была, как у его дочери... хотя на голове была намотана какая-то проволока... и что-то с глазами не в порядке. Перри Паркер закричал, подхватил «кулёк» на руки и понял, что он слишком лёгкий – его 12-летняя девочка не могла весить так мало! Впоследствии Перри признавался, что подумал в ту минуту, будто держит в руках куклу – он решил, что это такая издёвка похитителя, который приехал за деньгами не с его дочерью, а с муляжом. Эта мысль помогла Перри не сойти с ума и не умереть от разрыва сердца – в ту минуту он продолжал верить в то, что его доченька жива и преступник всё-таки сдержит данное слово!

С «кульком» в руках, в котором должен был находиться муляж человеческого тела, Перри бросился к ближайшему дому. И только там, при ярком электрическом свете, он понял, что держит на руках не куклу – это действительно была его дочь Мэрион. Без рук, без ног, с обмотанной вокруг головы стальной проволокой, концы которой были пропущены через верхние веки, благодаря чему глаза оставались открыты.

Дом, возле которого похититель Мэрион выбросил торс девочки. Из него Паркер позвонил в полицию с сообщением об убийстве дочери. К этому месту с утра следующего дня началось паломничество жителей Лос-Анджелеса, которое не прекращалось более 3-х месяцев.

Это был, конечно же, шок, и притом не для одного Перри Паркера! Детективы, занимавшиеся расследованием похищения Мэрион, также оказались немало поражены тем, какая интрига закрутилась за их спинами. Никто из «законников» не ожидал от преступника той дерзости, что была проявлена! Ведь тот явился за деньгами, прекрасно зная, что девочка уже мертва! Более того, он привёз труп с собою, спеленал его, усадил на пассажирском сиденье, устроил настоящую инсталляцию. И ведь как всё верно рассчитал – и деньги получил, и после встречи с отцом скрылся!

При этом правоохранительные органы не располагали ни единой серьёзной зацепкой. Да, имелись подозрения в отношении Хикмана, которого Перри Паркер помог отправить за решётку, но на вопрос, опознал ли отец человека, которому отдал деньги, Паркер ответил отрицательно. А ведь он был знаком с Хикманом, не раз виделся с ним, слышал его голос...

Так что ниточка, связанная с осуждённым за мошенничество Хикманом, судя по всему, никуда не вела.

Согласно описанию сидевшего за рулём человека, которое Перри Паркер сообщил детективам, им надлежало искать белого мужчину в возрасте около 25 лет, ростом приблизительно 5 футов 8 дюймов [~173 см] и весом 150 фунтов [~68 кг], гладко выбритого, с тонкими чертами лица и тёмными волнистыми волосами. Сколько таких мужчин могло проживать в Лос-Анджелесе и его окрестностях? Тысяч 30—35, всего-то делов – проверить такую армию...

К вечеру 17 декабря у правоохранительных органов не было ничего, способного вывести на убийцу. Вся надежда была на офис коронера, врачи которого по результатам исследования торта Мэрион Паркер могли подкинуть детективам ценные идеи.

Первое, что бросалось в глаза при осмотре тела Мэрион Паркер – это тонкая [толщиной 1/20 дюйма] стальная проволока, трижды обмотанная вокруг лба наподобие венца. Концы проволоки спускались со лба к глазам; в верхних веках были сделаны проколы, в которые концы проволоки были введены и загнуты вверх наподобие крючков. Длина этих концов проволоки была подобрана так, что веки всё время оставались открыты. Как быстро установили судмедэксперты, проволока была самой обычной – такая в те годы использовалась для подвески картин и продавалась в любой багетной мастерской. Сразу уточним, дабы исключить какое-либо недопонимание, что Перри Паркер не мог видеть «венец» из проволоки во время своего пребывания возле автомашины по двум причинам: во-первых, на улице было темно, а во-вторых, на голове Мэрион находилась шляпка, надвинутая на лоб и отбрасывавшая тень на верхнюю часть лица. Ввиду этого замысел преступника полностью удался, и со стороны действительно могло показаться, будто девочка сидит с открытыми глазами.

Внешний осмотр трупа показал, что он тщательно и притом неоднократно обернут бинтами и полосками ткани, являвшейся фрагментами постельного белья. Также для заматывания трупа использовались полосы ткани, полученные при разрыве школьного платья Мэрион. Это обёртывание можно было уподобить тому, которое встречается у древнеегипетских мумий, если вы видели их в музее, то без труда поймёте, что имеется в виду. После снятия этих импровизированных «бинтов» выяснилось, что торт тщательно вымыт и не имеет следов крови.

Судебно-медицинское вскрытие показало, что Мэрион Паркер мертва довольно давно – более 12 часов. Конечности были отделены аккуратно хорошо заточенным инструментом, расчленение осуществлялось посмертно. По тому, как производились разрезы, можно было заключить, что расчленением трупа занимался человек, не имевший медицинского или ветеринарного образования. Преступник тщательно удалял следы крови и в целом действовал аккуратно, не спеша, по-видимому, в комфортной обстановке, в условиях хорошего освещения.

Торс Мэрион Паркер в морге перед проведением судебно-медицинского вскрытия.

На шее трупа имелся глубокий прижизненный разрез, возможно, он явился причиной смерти. Вместе с тем, ряд признаков указывал на душение девочки [точечные кровоизлияния в глазах, следы зубов на внутренней стороне губ и другие]. С определением точной причины смерти судмедэксперты затруднились – это было связано с тем, что внутренние органы жертвы отсутствовали. Весь комплекс внутренних органов – сердце, лёгкие, желудок, кишечник и прочие – оказался извлечён, а вместо него внутрь торса было набито различное тряпье и газеты. Именно из-за отсутствия внутренних органов торс оказался очень лёгким.

Из-за манипуляций, осуществлённых преступником с телом, ответить на вопрос о сексуальном надругательстве не представлялось возможным.

На спине убитой девочки остались багровые следы с частичным сползанием кожи, происхождение которых судмедэксперты связали с поркой узким ремешком.

Врачи обратили особое внимание на то, что преступник старательно устранил все следы крови. Манипуляции убийцы, связанные с отделением конечностей и извлечением внутренних органов, были, несомненно, очень кровавы, и преступник затратил много сил и времени на то, чтобы смыть кровь. В распоряжении преступника должно было находиться помещение, в котором имелся водопровод, электрическое освещение, ванна, в этом помещении убийца чувствовал себя спокойно и мог действовать без спешки.

Изучая все кусочки ткани, бинты, газеты, использованные преступником для обёртывания трупа и заполнения его внутренней полости, врачи коронерской службы обратили внимание на полотенце, помещённое убийцей внутрь тела. На сравнительно плотной и гладкой

части у края полотенца имелся кровавый отпечаток большого пальца. Снимать с ткани оттиски папиллярных узоров – дело очень сложное, в 1920-х годах напрямую зафиксировать отпечаток с ткани было практически невозможно. Обычно для этого отпечаток сначала фотографировали с максимально возможным разрешением, а потом уже восстанавливали отпечаток по фотографии. Получившийся результат мог быть оспорен в суде, но тем не менее для следствия очень важно было «вытащить» этот отпечаток для правильного ориентирования расследования.

Но помимо кровавого отпечатка, на полотенце имелась и кое-какая другая улика, возможно, не менее важная. Это был куцый полинялый обрезок ткани, прихваченный к краю полотенца буквально двумя стежками нитки. Такие обрезки подшивались в прачечных в качестве ярлычков, по которым можно было установить принадлежность вещи. На обрезке можно было разобрать едва видимые буквы ВАА.

Дом семьи Паркер также сделался местом массового паломничества. На протяжении нескольких недель к нему приходили многочисленные группы зевак, дом показывали приезжим в качестве достопримечательности.

Могли ли эти буквы являться инициалами убийцы? Полотенце было старым, неоднократно стиранным, вряд ли оно могло находиться в личном пользовании. Скорее, полотенце могло являться гостиничным имуществом, использоваться в апартаментах или меблированных комнатах.

Итак, к концу 17 декабря перед детективами, занимавшимися расследованием похищения и убийства Мэрион Паркер, стояли 3 первоочередные задачи: во-первых, им следовало найти недостающие части тела и внутренние органы убитой девочки; во-вторых, установить, если это окажется возможным, принадлежность кровавого отпечатка пальца на полотенце, извлечённого из торса Мэрион Паркер и, в-третьих, установить, кем использовались бирки с аббревиатурой ВАА при стирке банных принадлежностей.

С утра 18 декабря в Лос-Анджелесе началось нездоровое оживление. О том, что у работника банка Перри Паркера похищена дочь, сообщалось ранее, но информация о том, чем закончилось похищение, вызвала бурление чувств и эмоций. К полудню огромная толпа собралась на том месте, где преступник выбросил тело девочки. Другая толпа стояла перед домом Паркеров. Никакого разумного обоснования такое поведение горожан не имело – люди ждали каких-то новостей и хотели быть поближе к эпицентру событий, полагая, что возле этих домов они увидят и услышат нечто такое, чего не сообщат газеты и радио.

Окружной коронер Фрэнк Нэнс (Frank Nance) перед заседанием коронного жюри беседует с Мэри Холт, непосредственно видевшей похитителя и слышавшей его голос.

Случившееся с совсем юной Мэрион рождало массу вопросов, надо сказать, вполне обоснованных. Непонятно было, чего хотел преступник – он намеревался заработать или сводил счёты? Почему он похитил одну из двух близняшек, ведь он вполне мог забрать из школы двух? Для чего он убивал и так изощрённо расчленил тело? Почему совершенно безответственно повела себя директор школы Мэри Холт? Она действительно была настолько глупа, или прикидывалась таковой в попытке скрыть своё содействие похитителю? Как Перри Паркер додумался отдать деньги похитителю, не получив гарантии того, что дочь его жива? Почему он отправился на встречу один, не обратившись в полицию за поддержкой? Почему полицейские не контролировали телефонную линию семьи Паркер и её почту? Как могло получиться, что за спиной полиции член семьи вёл переговоры с преступником? Почему получал от него письма и телеграммы, а полиция ничего об этом не знала?

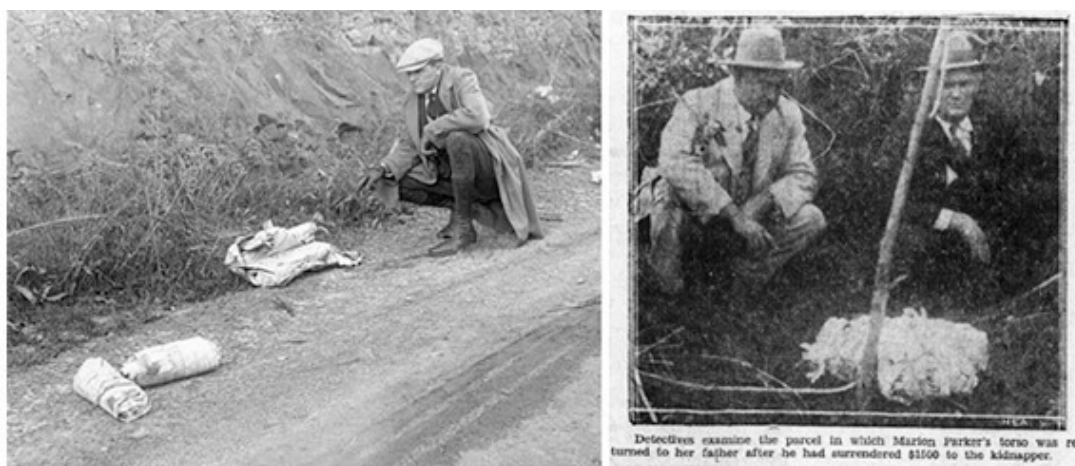
В течение дня поступала информация, поддерживавшая всеобщее возбуждение. Стало известно содержание писем похитителя, полученных Паркерами. Таинственный преступник тут же получил прозвище «Лис», каковое сам использовал в подписи писем и телеграмм. Убийца мог быть доволен – он хотел славы, и он её моментально обрёл! Журналисты, сами того не желая, польстили самолюбию преступника.

Варианты подписей похитителя Мэрион Паркер из его писем (слева направо): «Судьба», «Смерть», «Судьбоносный Лис».

Около 2 часов пополудни поступила информация об обнаружении в районе Елисейский парк (Elysian part) человеческих конечностей, завернутых в газеты и куски ткани. Проведённое полицейскими прочёсывание местности привело к находке завершающей детали пазла – внутренних органов убитой девочки. Они были обнаружены завернутыми в кусок простыни на удалении около 900 метров от того места, где находились отрезанные руки и ноги.

Елисейский парк, хотя и назывался парком, в действительности представлял собой мало-населённый район в центре Лос-Анджелеса, в котором расстояния между жилыми зданиями составляли порой сотни метров. Не было ничего удивительного в том, что преступник именно там выбросил опасные улики – в Елисейском парке он мог это сделать даже в светлое время суток, не привлекая к себе лишнего внимания.

Фрагменты тела Мэрион Паркер, найденные 18 декабря 1927 г. в Елисейском парке. Снимок слева: руки и ноги, завернутые в газеты и лоскуты простыни, снимок справа: внутренние органы в куске простыни, завязанной наподобие мешка.

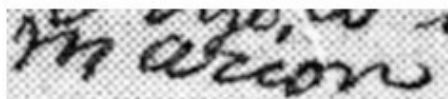
Важные события того дня не исчерпывались перечисленным выше. Самое главное открытие произошло ближе к вечеру, когда детективам удалось найти прачечную, работники которой опознали бирку с аббревиатурой ВАА и полотенце, к которому она была пришита. По словам работников прачечной, сокращение ВАА означало «Bellevue arms apartments». Этот жилой комплекс – надо сказать, довольно престижный по меркам того времени! – располагался, как можно догадаться по названию, в районе Белльвью на 11-й стрит на удалении около 5 км от места проживания семьи Паркер.

Получив адрес, полицейские помчались в апартаменты. Около 100 патрульных в форме и детективов в штатском оцепили квартал и вошли в здание. Предполагалось, что они осмотрят его целиком, но в этом не было нужды. Управляющая комплексом миссис Этель Бродерик (Ethel Broderick) по сообщённому ей описанию разыскиваемого тут же сказала, кто именно нужен полицейским. Этого человека звали Дональд Эванс (Donald Evans), он проживал здесь последние 4 дня, а его автомашина стояла на парковочной площадке неподалёку от апартаментов.

Детективы, пройдя в занятый «Дональдом Эвансом» апартамент, обнаружили довольно комфортное жилое помещение во всём аналогичное городской квартире – здесь имелись кухня, жилая комната, ванная комната с ванной длиной 1,2 м, уборная. На письменном столе среди вороха газет был найден лист промокательной бумаги, на котором отпечаталось имя

«Marion» с отдельно стоящей буквой «M» – именно так написала собственное имя похищенная девочка в своей последней записке, адресованной отцу.

Это открытие означало, что полицейские попали в комнату, в которой Мэрион незадолго до своей смерти написала последнее письмо отцу!

Мэрион Паркер подписала своё последнее письмо в довольно узнаваемой манере – заглавная буква её имени стояла отдельно от остальных букв. В самом начале обыска комнаты «Дональда Эванса» детективы обнаружили лист промокательной бумаги с оттиском этого самого слова! Данное открытие могло означать только одно – полицейские попали в комнату, в которой девочка написала своё последнее послание родителям, и некто приложил к ещё невысохшим чернилам лист промокательной бумаги.

Продолжая обыск, детективы сделали и иные любопытные открытия. В частности, была найдена мужская рубашка с вышитыми на вороте инициалами «H. V. G». В нижней части оказалась подшита бирка из прачечной с теми же инициалами – «H.V. Ger-b». Легко заметить, что инициалы на рубашке не совпадали с именем и фамилией жильца. Это открытие укрепило уверенность полицейских в том, что арендатор при поселении назвался вымышленными именем и фамилией.

Далее была найдена часть горловины платья, в которое была одета Мэрион Паркер во время похищения. Само же школьное платье, как было сказано выше, убийца разорвал на полосы и использовал его для «бинтования» трупа девочки. Впоследствии найденный в апартаментах фрагмент воротника приложили к соответствующей части платья, и линия разрыва идеально совпала. Доказав тем самым, что некогда это был единый кусок ткани.

Хотя пол в комнате выглядел чистым, детективы решили поднять доски, дабы посмотреть, не затекла ли кровь в щели между ними. Затёкшая таким образом кровь обычно остаётся на местах кровавых преступлений, избавиться от подобных следов практически невозможно, единственный надёжный способ – полностью заменить настил пола. Опыт не подвёл бывалых детективов – на боковых поверхностях досок, поднятых возле стола, были найдены обильные потёки буро-красной жидкости. Сразу скажем, что последующая судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что между досками затекла человеческая кровь.

Безусловно, обнаружение апартаментов, в которых проживал «Дональд Эванс», явилось огромным успехом правоохранительных органов. Никто из причастных к расследованию лиц не сомневался в том, что было найдено место, в котором Мэрион Паркер содержалась после похищения; там же девочка была убита и расчленена.

Из апартаментов было изъято большое количество вещей, принадлежавших арендатору, в частности, его одежда, переписка с некими адресатами из города Канзас-сити, штат Миссури, посуда и прочее.

После 18 декабря 1927 г. калифорнийские газеты стали публиковать фотографии Мэрион Паркер.

Полицейские покинули «Bellevue arms apartments» с богатыми трофеями, не забыв увезти в свой гараж автомобиль «Дональда Эванса». Дабы более не возвращаться к этому транспортному средству, сообщим, что его историю не без некоторых затруднений удалось полностью восстановить. Оказалось, что «Ford roadster T» был угнан в Канзас-сити, штат Миссури, 20 ноября 1927 г., и после этого машину перегнали за 2200 км в Лос-Анджелес.

И после того, как полицейские не без толики самодовольства покинули апартаменты, на пороге появился... проницательные читатели без труда закончат эту фразу самостоятельно! На пороге апартаментов появился «Дональд Эванс»! С милой улыбкой он осведомился у Этель Бродерик: всё ли в порядке и где его автомашина? Обалдевшая от появления разыскиваемого преступника женщина неуверенно пробормотала, что приходили полицейские, они осмотрели апартаменты «Дональда Эванса»... забрали все его вещи... номер теперь пустой стоит... и машину тоже забрали... Напряжение Этель можно понять, вообще-то «Дональд» вполне мог застрелить её, дабы ограбить и попутно избавиться от ненужного свидетеля, но на её счастье ситуация развеселила мужчину. Тот неожиданно весело ухмыльнулся, ласково попросился с ней и, чрезвычайно довольный собою, ушёл в декабрьскую тьму.

Потрясённая пережитым, Этель схватилась за телефонную трубку. Сначала она позвонила в полицию и закатила настоящую истерику, крича, почему её не охраняют, в то время, как по городу ходят ужасные убийцы?! После этого, не довольствуясь результатом, Этель Бродерик обзвонила местные газеты и рассказала о том, как после полицейского обыска к ней зашёл живой и невредимый разыскиваемый преступник и, выслушав её рассказ, со смехом ушёл в темноту.

История появления убийцы по месту проживания и впрямь феерична. О недостатках полицейской работы по этому делу было достаточно сказано в начале очерка, но случившееся в «Bellevue arms apartments» даже на фоне допущенных ранее просчётов выглядит прямо-таки верхом головотяпства. Обнаружить место проживания подозреваемого с личными вещами, которые тот постарается забрать, и не оставить там засаду – это нечто такое, чему нет названия и не может быть оправдания. За такое безответственное руководство надлежит срывать погоны и увольнять с позором без права на получение пенсии!

В общем, большой успех лос-анджелесской полиции через несколько часов обернулся звучным провалом и публичным посрамлением.

Что дало изучение предметов, изъятых в апартаментах «Дональда Эванса»? Изучение изъятой переписки показало, что проживавший в апартаментах человек получал письма от неких женщин, проживавших в Канзас-сити. Одна из них являлась матерью, а другая – родной сестрой адресата. Утром 19 декабря детективы Департамента полиции Канзас-сити получили от коллег из Лос-Анджелеса необходимую ориентирующую информацию и навестили этих людей. Оказалось, что проживавший в апартаментах человек получал письма от Евы и Мэри Хикман (Eva Hickman, Mary Hickman) – матери и родной сестры того самого Уильяма Хикмана, которого Перри Паркер годом ранее помог отправить за решётку.

К утру 19 декабря подоспели первые результаты изучения отпечатков рук, зафиксированных в апартаментах, занятых «Дональдом Эвансом». Были найдены многочисленные отпечатки пальцев и ладоней Уильяма Хикмана [отпечатки рук последнего имелись в его тюремной карте, так что экспертам было с чем сравнивать]. Исходя из этого, можно было уверенно утверждать, что этот человек бывал в апартаментах «Дональда Эванса».

Итак, в расследовании вновь возник Хикман, но его появление картину не прояснило.

Будучи допрошенными, Ева и Мэри сообщили, что последнее время проживали вдвоём. Отец семейства – Уильям Томас Хикман (William Thomas Hickman) – давно их оставил и уехал в Техас.

Уильям-младший, родившийся 1 февраля 1908 г., хорошо учился в школе, был одним из лучших учеников. Невысокий и слабый физически, он компенсировал собственную физическую непривлекательность успехами в естественных науках. По сообщениям близких, Уильям был общителен, имел много друзей, в школе занимал различные выборные должности. Не имелось оснований утверждать, будто его третировали в школе или как-либо преследовали.

После окончания школы Уильям-младший уехал на Тихоокеанское побережье, поскольку не хотел жить в пустынной и довольно непривлекательной области Среднего Запада. История с его осуждением за подделку чеков вызвала крайнее возмущение матери и сестры – они были уверены, что Уильям стал жертвой оговора, и в действительности он не делал того, в чём его обвинили. Родные настаивали на том, что Уильям имел большую тягу к знаниям и твёрдое намерение получить хорошее образование. Уже выйдя из тюрьмы, в которой провёл 3 месяца, молодой человек заверил маму и сестру, что обязательно заработает деньги на Библейский колледж и получит уважаемую профессию.

Фотографии из газет 1927—1928 гг. Слева: Ева Хикман, мать Уильяма, того самого банковского клерка, которого отец похищенной и убитой девочки помог отправить за решётку. Справа: Мэри Хикман, младшая сестра Уильяма.

Узнав о том, что Уилльяма подозревают в причастности к похищению, убийству и расчленению 12-летней девочки, мать заявила, что если сын виноват, то она проклянет его, и Уилльям это знает. По её мнению, «материнское проклятие» должно было остановить любые недобрые намерения сына, даже если бы таковые и возникли в его голове. Ева поинтересовалась, на чём основана уверенность полицейских в том, что её сын как-то причастен к преступлению, и женщине сообщили, что отпечатки пальцев Уилльяма найдены в той же комнате, в которой содержалась похищенная девочка. Мать крайне удивилась этому доводу и в недоумении воскликнула: «Неужели на основании этого можно обвинять человека? Разве мало людей с одинаковыми отпечатками пальцев?» Когда женщине сказали, что таких людей нет вообще, она не поверила и замкнулась.

Мэри оказалась более контактна и разговорчива. Девушка назвала детективам друзей брата, описала известные ей детали его времяпрепровождения во время последнего посещения Канзас-сити в конце ноября. Кстати, именно во время последнего приезда домой Уилльяма Хикмана оказалась угнана та самая автомашина «Ford roadster T», на которой похититель Мэрион приехал за выкупом. Само по себе это совпадение ничего не доказывало, ибо совпадения, как известно, случаются, но помнить о данном факте следовало!

Однако не все улики, изъятые в апартаментах, указывали на Уилльяма Хикмана. Особый интерес правоохранительных органов вызвали 3 отпечатка, оставленных маленькими пальцами на бутылке с водой и стакане. Поначалу их приняли за отпечатки пальцев Мэрион Паркер, но каково же оказалось изумление криминалистов, когда выяснилось, что отпечатки ей не принадлежат. На протяжении недели данные отпечатки сравнивались с отпечатками всех людей, чья причастность к делу можно было допустить [персонал апартаментов, полицейские, ранее судимые, члены семьи Паркер]. 26 декабря криминалисты официально признали, что не в состоянии определить человека, оставившего на бутылке и стакане упомянутые отпечатки.

Также весьма любопытную информацию принесли опросы жителей «Bellevue arms apartments», проведённые 18 и 19 декабря. Семейная пара, жившая по соседству с «Дональдом Эвансом», сообщила, что видела, как молодой человек вечером 17 декабря переносил в свою автомашину нечто, завернутое в плед. Ему в этом помогал другой молодой мужчина, носивший нечто завернутое в газеты. Свидетели решили, что второй мужчина носит винные бутылки. Судя по всему, свидетели видели, как преступник готовился к поездке на встречу с Перри Паркером, но если они ничего не напутали, преступников оказывалось двое! Действия двух человек могли радикально изменить оценки случившегося и рабочие версии полиции.

При этом все соседи «Дональда Эванса» в один голос утверждали, что не слышали никаких подозрительных звуков и не подозревали о присутствии рядом 12-летней девочки.

Хотя уже 19 декабря все причастные к расследованию должностные лица сходились в том, что Уилльям Хикман как-то связан с похищением и убийством Мэрион Паркер, всё же ряд доводов сбивал с толку и требовал прояснения. Во-первых, было непонятно, как Перри Паркер не опознал Хикмана, если при передаче денег тот действительно сидел за рулём «Ford»-а? Во-вторых, вызывало обоснованное недоумение происхождение следов порки на спине похищенной девочки. Мэрион не могла терпеть подобную боль беззвучно, но соседи ничего подозрительного не слышали. Если похититель действительно порол девочку ремнём, то делал он это явно не в своих апартаментах! Где? В-третьих, кто ещё мог быть причастен к похищению? Кому принадлежат отпечатки маленьких пальцев на бутылке с водой и стакане? Кто тот второй мужчина, что носил в автомашину «Дональда Эванса» «винные бутылки, завернутые в газеты»?

Нельзя было исключать и того, что письма и вещи Уилльяма Хикмана были подброшены в апартаменты как раз для того, чтобы навести правоохранительные органы на ложный след.

Практика подбрасывания ложных улик существовала многие десятилетия [если не столетия!], многие опытные уголовники упражнялись в подобном.

Полиции очень важно было найти Уильяма Хикмана, точнее, выяснить его судьбу. Сначала розыск молодого человека вёлся негласно, но ввиду отсутствия результата было решено распространить описание его внешности в надежде на то, что это поможет скорейшему опознанию. Утром 20 декабря калифорнийские газеты разместили на своих страницах одинаковый текст, гласивший:

Слева: «Это описание подозреваемого в убийстве 12-летней Мэрион Паркер». Правоохранительным органам очень важно было отыскать Уильяма Хикмана в кратчайшие сроки, и потому 20 декабря 1927 г. калифорнийские газеты под таким заголовком разместили на своих страницах его словесный портрет. Помимо словесного портрета, полиция передала газетчикам и фотографии разыскиваемого (в центре и справа).

«Ниже приводится описание внешности Уильяма Эдварда Хикмана, разыскиваемого по подозрению в похищении и убийстве 12-летней Мэрион Паркер. Он выглядит как американец в возрасте от 25 до 30 лет, рост 5 футов 7 или 8 дюймов [~170—173 см], вес 150 фунтов [~68 кг], худощавого телосложения, черты лица обычные, гладко выбрит, цвет лица очень светлый, серый, пронизательный взгляд, глаза очень тёмные У него каштановые волосы, разделённые пробором справа налево, слегка волнистые, он выглядит как человек, работающий в помещении. Очень аккуратно одет. Руки выглядят ухоженными. Производит впечатление делового человека, который может работать в банке. В левой руке обычно держит жемчужно-серую фетровую шляпу. Одет в коричнево-серое пальто из ткани, похожей на „ёлочку“. Говорит тихим голосом, без акцента, на правильном английском языке, видимо, хорошо образован. Не выглядит возбуждённым, нервы очень крепкие.»²

Силки были расставлены. Оставалось ждать!

20 декабря к следственной группе, занимавшейся расследованием похищения Мэрион Паркер, с довольно необычным сообщением обратился один из лос-анджелесских полицейских. Патрульный, чьи имя и фамилия не были разглашены, сообщил о своей встрече с Уильямом Хикманом, с которым полицейский был знаком лично на протяжении последнего полу-

² На языке оригинала: «The following is the description of William Edward Hickman, wanted for the kidnapping and murder of 12-year-old Marian Parker. He is described as American 25 to 30 years old; height 5 feet 7 or 8 inches; weight 150 pounds; slender build, features ordinary; smooth shaven, complexion very fair, grey, piercing eyes, very dark brown hair parted from the right to left side, described as slightly wavy, had the appearance of having been employed in indoor work. Very neatly dressed. Hands appeared to be well kept. Gave impression of being a business man, one who may have been employed in a bank. Was carrying his hat, a pearl grey fedora, in his left hand. Wore brownish-grey overcoat, which appeared to be herring-bone cloth. Spoke in a low tone of voice, no accent, using correct English, apparently well educated. Was not excited and nerves very steady»

года. Встреча эта произошла в городе Калвер-сити (Culver City), расположенном юго-западнее Лос-Анджелеса, 19 декабря, то есть тогда, когда Хикман уже находился в розыске. Патрульный, правда, этого не знал, поскольку набирался сил в отгуле и более суток не заглядывал в местные газеты. По его словам, Хикман, проезжая мимо на автомашине, притормозил, поздоровался и перебросился парой фраз. В частности, разыскиваемый с улыбкой сказал, что «едет за новой машиной». Вообще же, он находился в прекрасном расположении духа и прямо-таки светился от счастья.

Полицейский пожелал ему удачи, и Хикман укатил в сырую лос-анджелесскую тьму. Свидетель же, явившись домой, раскрыл свежие газеты и обомлел от новостей. Оказывается, его знакомца искали 8,5 тысяч калифорнийских полицейских!

Ситуация, конечно же, была до некоторой степени анекдотичной, но при этом хорошо демонстрировавшей нрав Хикмана. Он вполне мог проехать мимо знакомого полицейского, не привлекая к себе внимания, но такое поведение показалось подозреваемому недостойным. Он решил пощекотать себе нервы и проверить собственную везучесть. Проверка удалась, Хикман мог быть собой доволен!

У этой встречи имелся и другой аспект, также не лишённый интереса для полиции. Стало ясно, что подозреваемый располагает новой автомашиной, которую полицейский определил безошибочно – коричневый «крайслер-купе» («Chrysler coupe») 1925 года выпуска.

Тихо и незаметно для окружающих было произведено первое задержание, связанное с расследованием похищения и убийства Мэрион Паркер. Во второй половине дня 19 декабря после того, как детективы канзасского департамента полиции поговорили с Мэри Хикман, начались розыски некоего Милтона Джаковского (Milton Jakowsky), которого сестра предполагаемого преступника назвала его лучшим другом. Милтону было 25 лет [Хикману, напомним, только 19], на фоне своего юного худосочного товарища он выглядел закоренелым мужиком и, в принципе, отлично подходил на роль лидера. Кроме того, Джаковский был опытнее в криминальном плане – у него была судимость за угон автомашины с грузом, кроме того, его подозревали в большом количестве различных преступлений, в том числе и насильственных.

Джаковского дома не оказалось, но молодого человека быстро нашли на съёмной квартире с любовницей из числа дамочек с пониженной социальной ответственностью. Милтона без лишних церемоний препроводили на допрос. Поначалу молодой мужчина выглядел очень напуганным, но когда его стали спрашивать о поездке в Калифорнию, он заметно успокоился. Никаких грехов, связанных с Калифорнией, он явно за собой не знал. Джаковский настаивал на том, что не уезжал из Миссури последние два месяца, и называл людей, которые могли бы это подтвердить.

Напряжённый допрос Милтона длился практически весь день 20 декабря с небольшими перерывами на обед и ужин. Дюжина детективов занималась проверкой всего того, что говорил задержанный. К утру следующего дня стало ясно, что Джаковский имеет непробиваемое alibi; может быть, он и являлся нехорошим человеком – и даже скорее всего являлся! – но к похищению Мэрион отношения не имел.

Утром 21 декабря его отпустили домой точно так же, как и задержали ранее – без шума и какой-либо огласки.

К этому же самому времени подоспела другая важная информация. Криминалисты, работавшие с автомашиной «Ford roadster T», в которой перевозился труп убитой девочки, обнаружили на двери со стороны водителя отпечаток пальца, который успешно идентифицировали. Отпечаток принадлежал Хикману. То, что отпечатки пальцев этого человека обнаруживались во всех местах, связанных с преступлением – в апартаментах, на полотенце, найденном в теле девочки, теперь вот на двери автомашины – убеждало в том, что Хикман в этом деле отнюдь не случайный персонаж.

Сообщения о том, что отпечатки пальцев изобличают Хикмана в похищении и убийстве Мэрион Паркер, с 21 декабря стали регулярно появляться в прессе. Годом ранее – в 1927 году – калифорнийские газеты дали материал, из которого следовало, что другой таинственный преступник, названный «Тёмным Душителем», оставил на месте убийства отпечатки 3-х пальцев, и это обстоятельство поможет установить его личность. Упомянутые случаи [связанные с «Тёмным Душителем» в 1927 г. и Уильямом Хикманом в 1928 г.] можно считать, пожалуй, самыми ранними в американской истории, когда широкая общественность узнала о большой доказательной силе дактилоскопии. До той поры подавляющая часть обывателей, как, впрочем, и преступников, не имела представления об отпечатках пальцев и их использовании при раскрытии преступлений. Даже уголовники, которых дактилоскопировали в тюрьмах, довольно смутно представляли, для чего это делается и как работает данная технология. Именно сенсационные преступления 1927—1928 гг. и всеобщий интерес к их расследованию сделали дактилоскопию широко известной в массе народа, далёкого от криминалистики.

Слева: отпечаток пальца Уильяма Эдварда Хикмана, найденный на двери автомашины «Ford roadster T», в которой перевозилось тело убитой Мэрион Паркер. Справа: иллюстрация из газеты с сообщением об обнаружении данного отпечатка на машине, связанной с преступлением.

При обыске апартаментов, в которых содержалась похищенная девочка, были найдены значительные количества снотворных препаратов, в том числе и морфия. Наличие подобных лекарств хорошо объясняло то, почему никто из жильцов апартаментов не слышал криков или плача Мэрион – девочка всё время спала. Детективы обратили внимание на то, что никаких рецептов в изыятых бумагах не оказалось – а это свидетельствовало о незаконном попадании снотворных и наркотических препаратов в руки преступников. Другими словами, преступники либо купили все эти лекарства на чёрном рынке, либо забрали из аптеки во время хищения или кражи.

Последний вывод привлёк внимание полиции к криминальной статистике, связанной с покушениями на аптеки в Лос-Анджелесе и пригородах. По всем местам грабежей аптек, произошедших в ноябре – декабре 1927 г., отправились детективы. Они демонстрировали потерпевшим фотографию Уильяма Хикмана в надежде на его опознание.

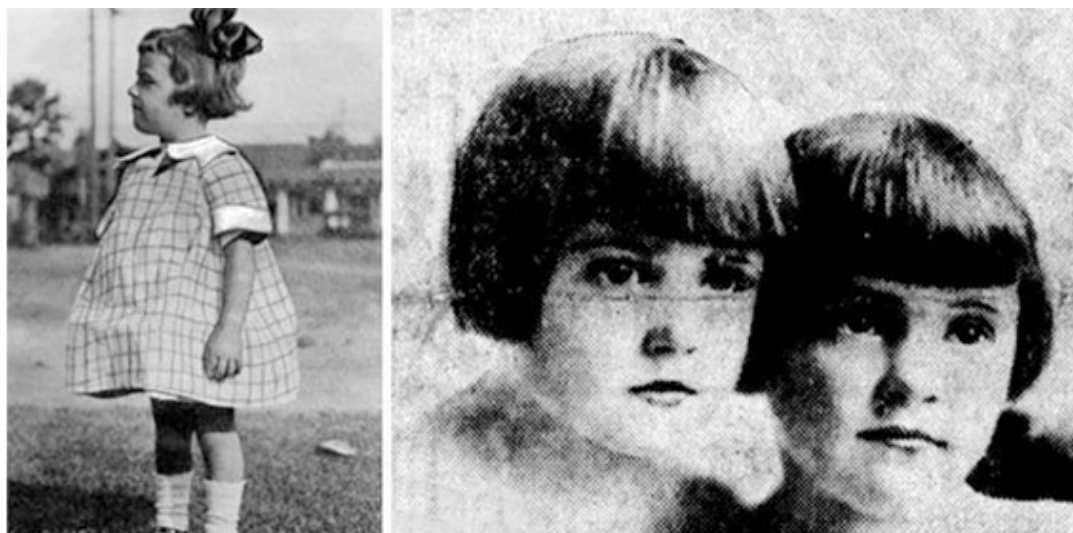
Это был, что называется, выстрел наугад, но он «попал в десятку»! Аптекарь Айви Томас (C. Ivy Thomas) из района Роуз-Хилл (Rose Hill) рассказал об ограблении, жертвой которого стал вечером 1 декабря. Тогда в его заведение вошла парочка хорошо одетых благовоспитан-

ных молодых людей. После нескольких общих вопросов один из них – его аптекарь опознал как Хикмана – сунул револьвер ему в бок и потребовал выдать снотворные препараты. После того, как это требование было выполнено, Хикман не без издёвки потребовал за одну минуту объяснить, как эти вещества применять. У аптекаря сложилось впечатление, что грабители не были наркоманами и морфий брали не для себя.

Что, кстати, прекрасно подтвердило предположение правоохранительных органов об использовании снотворных лекарств для усыпления жертвы похищения.

Разумеется, большой интерес для детективов представляло описание второго участника ограбления. Аптекарь сообщил приметы этого человека и уточнил, что тот показался ему знакомым. Пытаясь вспомнить, где он мог его видеть, потерпевший пришёл к выводу, что их встреча произошла в одной из больниц. Адрес больницы был назван, туда немедленно отправились детективы и большая группа патрульных. И вечерние газеты от 21 декабря сообщили о задержании санитара Сиднея Паркаса (Sidney Parkas), который по мнению правоохранительных органов помогал Хикману в ограблении аптеки и, судя по всему, являлся поделщиком в похищении и убийстве Мэрион Паркер.

Задержанный характеризовался с положительной стороны – был набожен, регулярно посещал церковь, ходил в воскресную школу, намеревался продолжить обучение в колледже.

Детские фотографии Мэрион Паркер. На фотографии справа Мэрион (справа) с сестрой Марджори.

На протяжении 20 и 21 декабря полиция Канзас-сити отработывала версию возможного возвращения Хикмана в родной город и проводила связанные с этим оперативные мероприятия. Полицейские в штатском следили за местами возможного появления подозреваемого – домом, в котором проживали мать и сестра, школой, которую закончил Хикман, местами работы и проживания некоторых из ближайших друзей.

Но в это же самое время в Лос-Анджелес пришла информация, согласно которой Уильяма Эдварда Хикмана видели в районе Ле-Мойн (La Moine) в округе Шафта (Shasta county) на севере Калифорнии. Ле-Мойн был удалён от Лос-Анджелеса более чем на 800 км, там у подозреваемого не было друзей, знакомых или подруг, вернее, о существовании таковых в Ле-Мойне ничего не было известно. Хикман, согласно этому сообщению, управлял зелёным автомобилем марки «Hudson», который уехал якобы на север – в направлении Портленда и Сиэтла.

Поначалу информация эта выглядела не очень достоверной, поскольку о связях Хикмана в штатах, расположенных севернее Калифорнии – в Орегоне и Вашингтоне – ничего не было

известно. И, стало быть, никаких резонов двигаться туда подозреваемый не имел. Если он хотел покинуть страну, то намного проще и быстрее это можно было сделать, уехав на юг, в Мексику.

Но всё радикально изменилось, когда в ночь с 21 на 22 декабря в Лос-Анджелес поступило сообщение от полиции штата Вашингтон, из которого следовало, что один из 20\$-ых сертификатов, полученных в качестве выкупа за Мэрион Паркер, был предъявлен к оплате на автозаправочной станции в 15 милях (~25 км) южнее Сиэтла. То, что это сертификат из числа выплаченных Перри Паркером, сомнений быть не могло – опытный банковский работник переписал номера всех 75 сертификатов и передал список следственной группе. А от неё уже список номеров попал во все крупные полицейские департаменты вдоль Тихоокеанского побережья.

Сертификатом рассчитался молодой человек, очень похожий внешне на Уильяма Хикмана. Владелец автозаправочной станции Фред Кинг (Fred King) сразу обратил внимание на очень молодого клиента с толстой пачкой сертификатов одинакового достоинства. После того, как мужчина с пачкой сертификатов уехал, Кинг позвонил дежурному офицеру полиции Сиэтла и рассказал о своих подозрениях. Офицер сверился со списком и – вуаля! – стало ясно, что предполагаемый преступник добрался почти что до Сиэтла.

Фред Кинг сообщил очень важную для дальнейшего розыска информацию. Во-первых, он подтвердил, что подозреваемый всё ещё находился за рулём автомобиля «Hudson» зелёного цвета, а во-вторых, уточнил, что указанная автомашина, покинув автозаправочную станцию, поехала вовсе не в Сиэтл [как можно было подумать], а на восток. И дорога эта в конечном счёте должна была привести в Орегон.

На таком «Hudson» -е модели 1926 г. разыскиваемый Хикман был замечен сначала в городе Ле-Мойн, штат Орегон, а через несколько часов – на автозаправочной станции южнее Сиэтла, в штате Вашингтон.

Тут-то и стало ясно, что к сообщениям о появлении подозреваемого на севере Тихоокеанского побережья США следует отнестись со всей серьёзностью. Хикман и в самом деле покинул Калифорнию и отправился на север. Во все полицейские подразделения штатов Орегон и Вашингтон немедленно были отправлены сообщения, предписывавшие обращать особое внимание на все автомашины «Hudson», перемещавшиеся по дорогам в ночное время. Подобные уведомления получили более 200 полицейских подразделений по всей территории упомянутых штатов.

Около 2 часов 22 декабря двое полицейских находились в автомашине с погашенными огнями, припаркованной на обочине дороги между городами Эхо (Echo) и Пендлтон

(Pendleton) в Орегоне. Одного из них звали Том Гардэйн (Tom Gurdane) – это был начальник полиции Пендлтона, второй же служил в дорожной полиции штата, его звали Бак Льюоллен (Buck Lieuallen). Они работали в разных подразделениях и в обычной обстановке вряд ли оказались бы по делам службы в одной машине, но той ночью им пришлось находиться в одном патруле ввиду фатальной нехватки личного состава. Гардэйн часом ранее получил ориентировку на автомобиль «Hudson» с кузовом зелёного цвета и сидящего за его рулём молодого человека. Машина могла двигаться с севера либо запада, человек за рулём мог быть вооружён огнестрельным оружием. Всех своих подчинённых Гардэйн отправил в патрули и заступил в ночной патруль сам. Вместе с сотрудником дорожной полиции Льюолленом.

Тёмная машина выскочила из-за поворота и едва не врезалась в автомобиль Льюоллена, перегораживавший проезжую часть. Офицер в форме дал знак остановиться и осторожно приблизился, положив руку на открытую кобуру с пистолетом, Гардэйн подошёл к машине с другой стороны. В свете ручных фонарей стало ясно, что остановлен «Hudson» зелёного цвета. И за его рулём находится тот самый Хикман, которого последние дни искали по всему Тихоокеанскому побережью США. Но направив свет фонаря в салон машины, Гардэйн не без удивления обнаружил там ещё 2 молодых мужчин, которых также можно было принять за Хикмана, поскольку они также прекрасно соответствовали известному словесному портрету.

Вот уж воистину, то густо, то пусто! То ни одного Хикмана не найти, то попадаются сразу трое...

Полицейские вывели из машины всю эту странную компанию, надели на молодых мужчин наручники и повезли разбираться в здание городской полиции.

Схема перемещений Хикмана вдоль Тихоокеанского побережья США в период 19-22 декабря 1927 г.

1. 19 декабря в Лос-Анджелесе Хикман сообщает знакомому полицейскому, что планирует обзавестись новой автомашиной. В это время он находится за рулём «шевроле-купе» тёмного цвета.
2. Спустя около 10 часов в ночь на 20 декабря в Сан-Франциско угнан седан «хадсон» с кузовом зелёного цвета.
3. Вечером 20 декабря седан «хадсон», за рулём которого находится похожий на Хикмана молодой человек, замечен на севере Калифорнии в округе Шаста.
4. Поздним вечером 21 декабря на автозаправке в 25 км южнее Сизгла молодой мужчина, сидящий за рулём зелёного «хадсона», расплачивается сертификатом в 20\$. Его номер значится в списке номеров сертификатов, переданных похитителю Мэррион Паркер в качестве выкупа.
5. Приблизительно через 5 часов – около 3 часов пополудни 22 декабря – зелёный «хадсон» задержан на окраине городка Пендлтон. В салоне автомашины находились 3 молодых человека, одним из которых оказался Хикман. Все они были препровождены в местную тюрьму.

Карта Тихоокеанского побережья США с указанием маршрута движения Хикмана и небольшими пояснениями. Бросается в глаза мобильность преступника и его способность преодолевать большие расстояния, не считаясь с усталостью. Расстояние от автозаправки в рай-

оне Сиэтла до места задержания на окраине Пендлтона равное приблизительно 540 км преступник преодолел за 5 часов.

По прибытии выяснилось, что в остановленной автомашине действительно находился разыскиваемый Хикман, а кроме него некие Билл и Джек Мэррилы (Bill and Jack Merrill), родные братья возрастом 20 и 21 год. Мэррилы проживали в городке Гарфилд (Garfield) в штате Вашингтон, удалённом от Пендлтона на 220 км. Братья едва не плакали, убеждая полицейских в том, что оказались в задержанной автомашине случайно – Хикман, кстати, утверждал то же самое – но их оставили под стражей до выяснения всех деталей.

Быстро выяснилось, что Хикман не знал новостей, поскольку уже несколько дней не читал газет. Когда ему сообщили, что за ним велась охота по всему Тихоокеанскому побережью и в ней приняли участие до 20 тысяч человек в 3-х штатах, он явно заважничал, хотя и не вполне поверил услышанному. После того, как через 12 часов сменились охранявшие его полицейские, он принялся выпрашивать у них: правда ли он стал широко известен и его портреты и описания примет растиражированы газетами?

Том Гардэйн (слева), начальник полиции Пендлтона, и Бак Льюоллен (справа), патрульный дорожной полиции штата Орегон, рядом с задержанным в ночь на 22 декабря 1927 г. Уильямом Эдвардом Хикманом.

Окончательно он поверил в свою известность только после того, как ему передали телеграмму, посланную отцом из Эль-Пасо. В ней отец требовал, чтобы сын прямо ответил ему, виноват ли он в том, в чём его обвиняют газеты. Вот тут Хикман сообразил, что ежели прорезался папаша, до того удравший от семьи на край света – о чём в своём месте будет сказано особо – то, стало быть, и вправду, слава бежит впереди него.

На папину телеграмму сынок ничего не ответил, но, как скоро выяснилось, батянька у подозреваемого оказался человеком по-настоящему тугим. На следующий день он прислал вторую телеграмму с тем же самым вопросом. Затем ещё... и ещё... и ещё...

После того, как на 7-й день пришла 7-я телеграмма от папаша, желавшего узнать, правда ли сынок убил и расчленил девочку, с Уильямом Томасом Хикманом, отцом арестанта, связался адвокат последнего и попросил не слать идиотских телеграмм, ибо ответить на них

сын не сможет при всём желании. Удивился ли отец такому ответу, нам неизвестно, но его эпистолярный азарт на этом иссяк, и более он сына не беспокоил.

Надо сказать, что слава обрушилась не только на Хикмана, но и на задержавших его «законников». К ним наперегонки помчались не только газетчики, но и разного рода представители мира искусства, если можно так выразиться. В течение первых суток Том Гардэйн и Бак Льюоллен получили 4 предложения по передаче авторских прав и использование информации об их личной жизни для съёмок кинофильма, постановки мюзикла и драматической пьесы. В последующем предложения такого рода продолжали поступать, и по признанию Гардэйна всего таких предложений он получил более 40! Помимо этого, полицейские договорились разделить премию, если таковая будет им выплачена, поровну. К этому времени Губернатор Калифорнии уже объявил о том, что лица, изблличившие и задержавшие Хикмана, могут рассчитывать на получение 50 тыс.\$.

«Кто этот мощный старик?» – может спросить невнимательный читатель. Это Уильям Томас Хикман, отец Уильяма Эдварда Хикмана, на этой фотографии ему 48 лет. С самого первого своего появления в этом сюжете Хикман-старший продемонстрировал сильные стороны своей незаурядной личности – настырность, безбашенность, неспособность думать на шаг вперёд. В своём месте мы ещё скажем несколько слов об этом необыкновенном человеке.

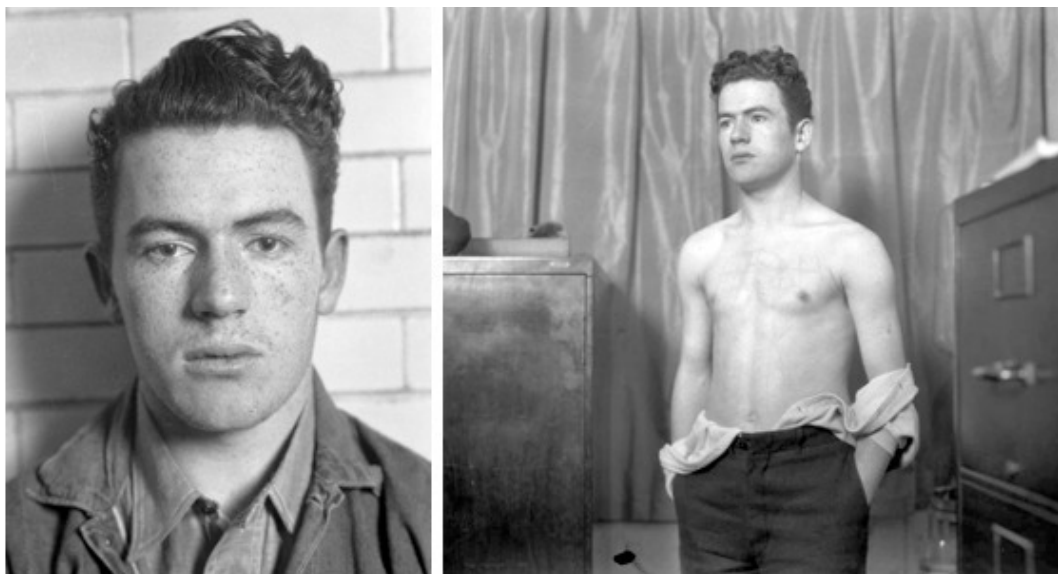
Буквально с первых же часов своего пребывания под замком Уильям Эдвард Хикман продемонстрировал некоторые необычные черты своей личности. Прежде всего речь идёт о его удивительной стрессоустойчивости, то есть способности адаптироваться к непривычной и угрожающей обстановке. Вообще-то данная черта психотипа очень важна для лиц многих профессий – сотрудников правоохранительных органов, пилотов летательных аппаратов, экипажей подводных лодок, лиц, работающих с радиоактивными и особо опасными веществами и тому подобных. Для определения истинной способности переносить стрессы проводятся сложные многоэтапные психологические тесты, причём проверка психологического состояния упомянутых лиц проводится как на этапе их отбора и включения в штат, так и после того, как эти люди приступают к работе. То есть стрессоустойчивость – это объективно очень важный и полезный элемент здоровой психики.

Но недостатки, как известно, являются продолжением достоинств [обратное утверждение также справедливо]. Чрезмерная стрессоустойчивость превращается в «толстокожесть», отсутствие эмпатии и безразличие к интересам окружающих, поэтому можно сказать, что

слишком хорошо – это тоже не хорошо. Хикман после задержания успокоился довольно быстро и так же быстро освоился в условиях несвободы. Он прекрасно выпался в первую ночь за решёткой, утром плотно позавтракал. Наблюдавшие за ним полицейские отметили его общительность, прекрасное расположение духа, стремление шутить и полную непринуждённость в общении. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что за душой этого человека нет никаких грехов или мрачных тайн. Прямо-таки аленький цветочек.

При этом Хикман не особенно и запырлялся, он не пытался делать вид, будто стал жертвой ошибки и скоро его невиновность будет доказана. Нет, он спокойно признавал попытку скрыться от Закона, подтверждал неоднократный угон автомашин и искренне сокрушался о том, что не избавился от зелёного «Hudson» -а. По его словам, он понимал, что автомашины надо менять при каждом удобном случае – это поможет ему сбить со следа преследователей, но «Hudson» ему очень понравился своей приємистостью и мощным мотором – в этом отношении это машина была намного лучше аналогичных автомобилей нижнего ценового сегмента [наиболее распространённых].

Также Хикман не пытался скрыть своё участие в похищении Мэрион Паркер. На вопрос, встречался ли он с похищенной девочкой, Хикман без раздумий ответил утвердительно и сразу же пояснил, что это он увёз Мэрион из школы. А затем непринуждённо добавил: «Она была хорошей маленькой девочкой» («She was a good little kid»).

Уильям Эдвард Хикман после задержания. Снимок с голым торсом сделан для доказательства отсутствия на теле следов побоев или телесных повреждений, полученных в ходе борьбы. Поскольку было неизвестно, как адвокаты станут строить защиту Хикмана, высшим полицейским руководством было принято решение категорически исключить какие-либо меры физического воздействия в отношении подозреваемого, а также его запугивание. Хикман всё время содержался в по-настоящему образцовых условиях.

Продолжая своё повествование об общении с похищенной девочкой, Хикман сообщил, что не пытался обманывать Мэрион и сразу же после отъезда от здания школы рассказал ей, что она похищена. Мэрион, по его словам, не испугалась, а напротив развеселилась. Она отнеслась к происходившему как к своеобразному развлечению. Они ехали по городу, встречали полицейских, и девочка не пыталась обратиться к ним за помощью и не предпринимала попыток бежать. Ей явно было интересно посмотреть, чем закончится эта необычная игра.

Однако, если кто-то всерьёз подумал, будто Уильям Эдвард Хикман имел намерение признать вину и покаяться, то поспешим внести ясность – вы слишком хорошо подумали

об этом хитровыделанном молодом человеке. Он вообще никакой вины за собой не признавал и во время первого полноценного допроса днём 22 декабря на голубом глазу потребовал от детективов организовать ему встречу с Перри Паркером, отцом похищенной девочки. На вопрос, для чего ему понадобилась встреча и что он может сказать Паркеру, арестованный с вызывающим нахальством ответил, что имеет твёрдое намерение объяснить мистеру Паркеру, что он – Хикман – ни в чём не виноват, и газетчики обвинили его в том, чего он не делал! Рассуждая на эту тему, он распалился до такой степени, что без тени смущения заявил: «Я хотел бы встретиться с ним лицом к лицу, чтобы поведать о том, что я не убивал её, и если бы только девочка была жива, я бы умер за неё!» (Дословно: «I want to meet him face to face and tell him I did not kill her, if the girl only were alive, I'd be willing to die.») Вот так вот – и Мэрион Паркер он не убивал, и убийства её не допустил бы, если бы только сие было в его силах!

Поразительная, конечно, наглость!

Как же развивались события по версии Хикмана? Он рассказал, будто в День благодарения – то есть последний четверг ноября 1927 г. – повстречался со своим старым другом Оливером Эндрю Крамером (Oliver Andrew Cramer) и подружкой последнего Джейн Даннинг (Jane Dunning). По словам Хикмана, эта парочка вынашивала план быстрого обогащения посредством похищения ребёнка с целью получения выкупа. Крамер – опытный 28-летний преступник, уже побывавший дважды в тюрьме – изложил план, который Хикману понравился своей продуманностью. Они реально могли заработать деньги, главное для этого условие заключалось в том, чтобы не жадничать и не требовать слишком большую сумму выкупа. Ведь если требование окажется невыполнимым, то родители ребёнка волей-неволей будут вынуждены отдать инициативу полиции!

Хикман, по его словам, решил подключиться к парочке предприимчивых друзей и сообщил, что знает подходящую для похищения ребёнка семью. Речь шла о семье Перри Паркера, с которым Хикман познакомился во второй половине 1926 г. во время непродолжительной работы в банке. Нет, он вовсе не планировал сводить счёты с главой семейства, просто эта семья действительно отлично соответствовала задумке Крамера! Хикман настаивал на том, что лишь осуществил похищение девочки из школы, после чего передал её подельнику, будучи полностью уверенным в том, что ничего плохого с Мэрион не случится.

На первом официальном допросе, проведённом в здании полиции в Пендлтоне днём 22 декабря 1927 г., Хикман рассказал об этом в таких выражениях: «Она [Мэрион Паркер] мне нравилась, и она не хотела идти с Крамером, а хотела остаться со мной. Но мы должны были осуществить наш план, который заключался в том, чтобы Крамер спрятал девушку и собрал деньги, которые я хотел потратить на обучение в колледже. Крамера больше интересовала идея похищения ребёнка, чем получение денег. Он хотел забрать только 200 или 300 долларов из 1500 долларов, которые мы просили в письмах, подписанных „Лис“, которые я написал.»³

³ Дословно на языке оригинала: «I liked her and she didn't want to go with Cramer but wished to stay with me. But we had to carry out our plan, which was for Cramer to hide the girl and for me to collect the money which I wanted to use in going through college. Cramer was more interested in the idea of kidnaping child than in getting money. He only wanted 200\$ or 300\$ of the 1500\$ which we asked for in letters signed „The Fox“, which I wrote.»

На протяжении нескольких месяцев фотографии Хикмана регулярно появлялись в американских газетах и журналах. Вверху слева и внизу: фотографии арестованного преступника с поймавшими его полицейскими, сделанные в Пендлтоне. Вверху справа: рядом с Хикманом сфотографировался шериф округа Лос-Анджелес Юджин Бискалуз (Eugene Biscailuz).

Хикман настаивал на том, что ему неизвестна причина, по которой Крамер убил девочку. Последний якобы принёс её тело в чемодане в апартаменты Уильяма и приказал ему избавиться от тела.

Во время этого допроса Хикмана спросили, хотел бы он встретиться с матерью и что сказал бы ей при встрече. Вытаращив глаза и прижав для большей убедительности руку к сердцу, Хикман воскликнул: «Я бы сказал ей, что ни в чём не виноват!» И заплакал. Полицейские не сомневались в том, что видят перед собой самое настоящее цирковое представление, но посмотреть было на что! Такого самозабвенно лгущего негодяя надо было ещё поискать...

К охране Хикмана в здании полицейского департамента Пендлтона был привлечён местный водопроводчик по фамилии Коннор. Он являлся членом местной пожарной команды, которая использовалась немногочисленной местной полицией в качестве резерва. Узнав, что Коннор не полицейский, Уильям чрезвычайно к нему расположился и вместо того, чтобы спать, провёл всю ночь с 22 на 23 декабря в разговорах. Своей болтливостью намеревался скрыть истинный интерес к собеседнику, которого уговаривал принести ему в следующий раз

газеты. Налицо была явная попытка манипуляции, которую Коннор – человек неглупый и прекрасно знавший жизнь – моментально распознал. Разумеется, психологическая игра Хикмана провалилась, но то, что арестованный попытался хитростью добиться нужной ему цели, свидетельствовало об определённом складе его личности. Этот человек, с одной стороны, прекрасно ориентировался в окружающей обстановке и всё время оставался полностью адекватен, а с другой – явно считал себя умнее других и был весьма самоуверен.

Возможно, на этой непоколебимой самоуверенности и базировалась его удивительная стрессоустойчивость. Хикман верил в то, что с ним всё будет хорошо, ведь он – Хикман! Он всех обдурит, всем запудрит мозги, выйдет победителем из любой передраги.

24 декабря последовали события неожиданные во всех отношениях. Во-первых, в тот день были обнаружены те самые отпечатки маленьких пальцев на бутылке и стакане, чью принадлежность в дальнейшем так и не удалось установить.

В тот же день в апартаменты «Bellevue arms apartments» пришло письмо, адресованное «Дональду Эвансу» и подписанное именем Джо (Joe). Автор письма сообщал, что хотел бы получить свои 300\$ и чемодан. Письмо было отправлено накануне в 10 часов утра из Лос-Анджелеса.

Обе новости хорошо согласовывались с рассказом Хикмана об Оливере Крамере и Джейн Даннинг. Складывалось впечатление, что на свободе остаётся подельник убийцы. Это сбивало с толку и требовало какого-то объяснения.

Ситуация ещё более запуталась после того, как полиция Лос-Анджелеса нашла Оливера Эндрю Крамера. Имелись определённые основания сомневаться в существовании этого человека, но... он оказался вполне реальным, и более того – хорошим приятелем Уильяма Хикмана. Крамер был наркоманом-морфинистом, безработным, человеком, ведущим антиобщественный образ жизни, однако к похищению и убийству Мэрион Паркер он отношения не имел. У него имелось лучшее alibi из всех возможных – он находился в окружной тюрьме. Ещё 10 декабря его задержали за попытку хищения кошелька в кинотеатре, судья санкционировал арест, и с того времени Крамер «куковал на нарах». А Хикман, оговоривший приятеля, этого пустяка не знал!

Оливер Эндрю Крамер оказался реально существующим человеком, более того, он знал Хикмана и даже вёл с ним кое-какие дела. Однако к убийству Мэрион Паркер он отношения не имел, поскольку обладал наилучшим alibi из всех возможных – сидел в окружной тюрьме. Хикман этой мелочи не знал.

Это, конечно же, была большая удача для Крамера. Если бы во второй декаде декабря он оставался на свободе, то неизвестно, как бы ему удалось доказать alibi.

Что же касается Джейн Дарлинг, то следов существования этой женщины отыскать не удалось. Крамер – якобы её любовник – настаивал на том, что такой женщины не знает и рассказ Хикмана о его [Крамера] и Дарлинг соучастии в преступлении выдуман от начала до конца.

Это утверждение выглядело правдоподобным – в этом убеждало alibi Крамера. Но кто тогда был вторым мужчиной, переносившим расчленённое тело Мэрион Паркер в автомашину на парковке у апартаментов? Ведь свидетели сообщали о 2-х мужчинах!

В течение последующих дней готовилась экстрадиция Уильяма Эдварда Хикмана из Пендлтона в Лос-Анджелес. Города находились в разных штатах, что требовало ряда согласований на уровне Департаментов юстиции. Благодаря тому, что дело о похищении и убийстве Мэрион Паркер приобрело общенациональную известность, все бюрократические процедуры были проведены немногим более чем за неделю. Это была исключительная оперативность даже по меркам того времени.

30 декабря 1927 года в Канзас-сити местная полиция арестовала ещё одного школьного дружка Хикмана – некоего Фрэнка Бернуди (Frank Bernoudy). Имя его, наряду с Милтоном Джанковски, упоминала Мэри Хикман, но на протяжении полутора недель этому молодому человеку удавалось скрываться от полиции. В местах его возможного появления были расставлены засады, и в самом конце года Бернуди, наконец, попал в руки «законников».

Бернуди знал, как и чем «прославился» его дружок Хикман в Калифорнии, и именно поэтому постарался сбежать. Будучи, однако, пойманным, он искренне испугался того, что его свяжут с Хикманом, и сразу же стал сотрудничать с полицией. Допрос Бернуди, проведённый лично шефом детективов Тойном, оказался в высшей степени результативным.

Задержанный рассказал о том, что за плечами Хикмана имелся весьма длинный шлейф преступлений, в том числе и тяжких. Уже после освобождения из калифорнийской тюрьмы, где ему пришлось отбыть 3 месяца за подделку чека, Хикман принял участие в нескольких ограблениях аптек. В этих ограблениях помимо Хикмана и Бернуди принимал участие некий Уэлби Хант (Welby Hunt), дружок Хикмана [он был младше последнего на год]. Бернуди оказался первым, кто назвал полиции имя и фамилию этого юноши.

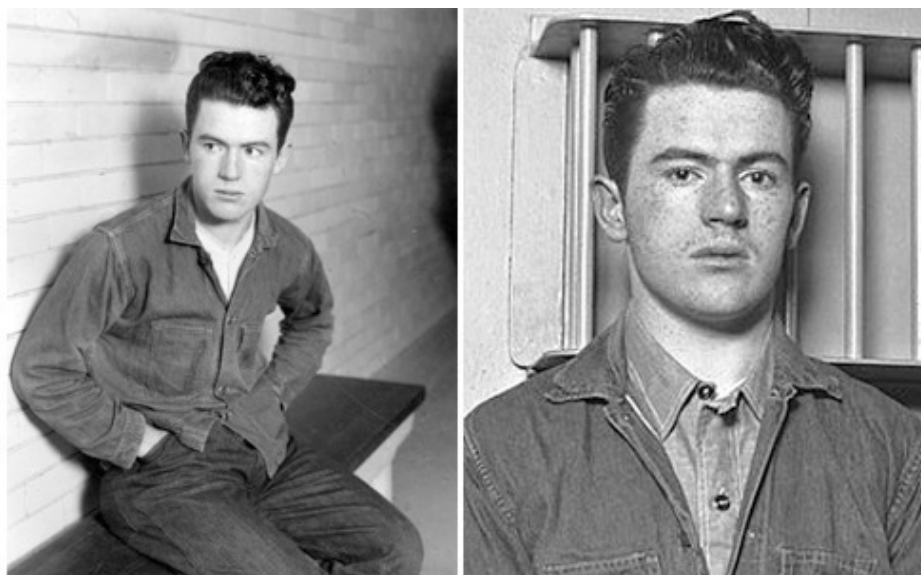

Уэлби Хант (фотография из выпускного школьного альбома).

Продолжая свой рассказ, Бернуди сообщил, что во время одного из ограблений, произошедшего 1 декабря 1926 года, Хикман выстрелом из пистолета убил аптекаря по фамилии Блейн. Бернуди не был свидетелем убийства, поскольку находился за рулём автомобиля, поджидавшего грабителей в квартале от места преступления, но он слышал рассказ о произошедшем от Хикмана и Ханта, а на следующий день прочитал заметку в газете.

Насколько можно было заключить из рассказа Бернуди, Уильям Хикман оказался грабителем со стажем. Он отдавал предпочтение нападениям на аптеки, считая, что там можно поживиться не только немалыми денежными суммами, но и ценными лекарствами и наркотиками. Кроме того, в некоторых аптеках удавалось прихватить незаполненные рецептурные бланки и оформленные рецепты, что также являлось ходовым товаром на «чёрном» рынке. Бернуди настаивал на том, что услышав об убийстве Блейна, очень испугался – он порвал все отношения с Хикманом, возвратился в Канза-сити и в дальнейшем избегал встреч со старым другом. По его словам, Хикман неоднократно приглашал его вернуться в Лос-Анджелес для того, чтобы вместе «делать дела», но Бернуди на письма не отвечал, а когда случайно столкнулся с Хикманом во время приезда последнего к матери в Канзас-сити, заявил тому, что уехал из Миссури в Нью-Йорк и планирует скоро жениться.

Бернуди сообщил и кое-что ещё немаловажное. По его словам, Хикман несколько раз высказывал вслух довольно странные фантазии. Он хотел похитить ребёнка, разрезать его на маленькие кусочки и прокатиться по городу, разбрасывая на ходу фрагменты тела. Смеясь, Хикман представлял, как люди будут находить пальцы... руки... ноги... маленький пенис... язык... Когда же Бернуди спрашивал его, для чего это делать, Хикман, не задумываясь, отвечал, что подобное преступление напугает всех. Желание «напугать всех» сделалось, по-видимому, своеобразной *ide-fix* Хикмана, тот несколько раз возвращался к любимейшей фантазии и однажды заявил, что твёрдо намерен когда-нибудь повернуть такой вот «фокус» с ребёнком.

Уильям Эдвард Хикман в заключении.

Когда стало известно о том, что Мэрион Паркер расчленили и части тела и внутренности разбросали в разных частях города, Бернуди сразу подумал о Хикмане – случившееся с Мэрион очень напоминало фантазии последнего.

Сообщение Бернуди оказалось очень важным для дальнейшего движения расследования. Полиция приступила к поискам Уэлби Ханта. Тот был найден довольно быстро, но это событие оказалось в тени других, произошедших практически одновременно.

30 декабря Уилльяма Хикмана под мощным полицейским конвоем повезли из Пендлтона в Лос-Анджелес. За экстрадацией внимательно следили газеты, в тех местах, где предстояла пересадка арестованного с одного вида транспорта на другой, собирались группы зевак, желавших лицезреть ставшего известным негодяя. Ну, или предположительно негодяя... Поскольку никто не мог исключить самосуда толпы, журналисты внимательно следили за перевозкой преступника, боясь пропустить особенно волнительные моменты.

В принципе, перевозка происходила очень спокойно, поскольку маршрут был составлен с толком, но один раз конвоем пришлось понервничать. Хикмана привезли в Беркли, город на берегу залива Сан-Франциско, где арестанта надлежало посадить на паром и переправить в город Сан-Франциско на противоположном берегу залива. Полицейские и арестант благополучно разместились на пароме, однако на причале в конце пути их встретила толпа численностью до 1 тысячи человек.

Понятно, что любой острый конфликт, любой беспорядок мог спровоцировать панику, в результате которой толпа могла попросту сбросить Хикмана и конвой в воду. Полицейские автомашины не могли заехать на причал, и конвоем вместе с арестантом пришлось идти через толпу. Всё прошло без эксцессов, но этот проход сквозь стоящую стеной безмолвную массу враждебно настроенных людей произвёл на всех видевших гнетущее и по-настоящему пугающее впечатление. Закованный в наручники Хикман в те минуты, наверняка, попрощался с жизнью.

Далее последовал переезд по железной дороге из Сан-Франциско в Лос-Анджелес. На всём протяжении этой поездки – а продлилась она около 7 часов – к арестанту был прикован детектив лос-анджелесской полиции по фамилии Рэймонд. Хикман и его конвоир говорили всю дорогу без остановки. Удивительное дело, Рэймонд уговорил арестанта прекратить кривляться и валить вину на Оливера Крамера и Джейн Дарлинг. Детектив доказал, что подобная тактика неминуемо приведёт Хикмана на виселицу, поскольку Хикман перекладывает свою вину на других крайне неубедительно – у Крамера имеется железное alibi, а Джейн Дарлинг не существует. Если Хикман не хочет остаться с «длинной шеей» – это синоним висельника – то ему следует сделать чистосердечное признание, причём как можно скорее, до того, как появится адвокат. Потому что после появления адвоката это будет уже не «чистосердечное признание», а «делка с Правосудием», и последствия этих действий будут разными.

Уилльям до такой степени впечатлился беседой с Рэймондом, что по прибытии в Лос-Анджелес потребовал доставить его к окружному прокурору для признания вины.

Хикман рядом с детективом Рэймондом, которому он во время переезда из Сан-Франциско в Лос-Анджелес признался в убийстве Мэрион Паркер.

Его и доставили. 31 декабря 1927 Хикман был привезён в офис прокурора округа Лос-Анджелес Эйши Кейса (Asa Keyes), встав перед которым, арестант произнёс небольшой монолог. В своём признании он заявил, будто поклялся матери непременно получить образование, но для оплаты обучения в колледже не располагал деньгами. Он решил похитить дочь Перри Паркера, которого знал по работе в банке. Он не сомневался в том, что Паркер не станет обращаться в полицию и без особых затруднений отыщет нужную сумму. Хикман настаивал на том, что не имел намерения убивать девочку, но сделать это пришлось, поскольку она его узнала. Из текста признания невозможно было понять, как Мэрион могла узнать человека, которого никогда не видела и чьи имя и фамилия никогда не произносились в доме [последняя деталь особо уточнялась у супругов Паркер].

Далее в своём признании Хикман сообщил, что убил и расчленил Мэрион Паркер ещё до того, как отец девочки заявил по телефону, что желает её увидеть до передачи денег. Обдумывая сложившуюся ситуацию, преступник решился на дерзкий обман – он надумал выдать труп за живого ребёнка. Дабы исключить кровотечение, он извлёк внутренние органы и набил торс тряпьем и газетами, а чтобы глаза убитой оставались открытыми, продел сквозь веки тонкую багетную проволоку. Во время передачи денег он очень волновался и сказал Паркеру, будто девочка спит, забыв, что глаза трупа открыты, но взволнованный отец не обратил внимания на это несоответствие. Также Хикман объяснил, почему Перри Паркер его не опознал во время передачи денег – Хикман сидел за рулём в шляпе, надвинутой на глаза, и автомашина была припаркована в тени дерева. Так что детально рассмотреть преступника за несколько секунд вряд ли было возможно.

Один из многих фоторепортажей, посвящённых признательным показаниям, данным Уильямом Хикманом окружному прокурору Эйше Кейсу 31 декабря 1927 г.

На уточняющий вопрос о сообщнике, помогавшем переносить части тела Мэрион Паркер в автомашину, Хикман назвал фамилию Ханта. И на последний вопрос – явно неожиданный! – о том, кто же убил аптекаря Блейна, Хикман снова назвал фамилию товарища.

На этом представление было закончено. Журналисты, которых допустили в офис окружного прокурора до того, как Уильям Хикман сделал своё признание, помчались звонить в редакции и передавать сенсационные сообщения с пометкой «молния».

Уэлби Хант был задержан и взят под стражу. Он отрицал какую-либо причастность к незаконной деятельности, но когда узнал, что показания против него дал Фрэнк Бернуди, а Хикман заявил в кабинете прокурора, будто аптекаря Блейна убил именно Хант, не выдержал и от досады расплакался. Уэлби был, конечно же, совершеннейшим мальчишкой, и он оказался абсолютно не готов к той ситуации, в которую попал благодаря показаниям бывших друзей.

Уэлби Хант после ареста.

Что последовало далее?

В принципе, можно сказать, что история на этом закончена и, кстати, большинство повествований о Хикмане обрываются примерно на этом месте. Но в действительности Уильяма Хикмана ждали впереди кое-какие любопытные повороты, и сам преступник вовсе не считал, что у него всё плохо и жизнь его пропала окончательно и бесповоротно.

Светочем в его окошке, если можно так выразиться, стал Джером Кеймс Уолш (Jerome Kames Walsh), адвокат из Миссури. Джером был очень молод – родился он в 1902 г. – и находился в самом начале адвокатской карьеры, став членом коллегии адвокатов города Канзас-сити лишь за полгода до описываемых событий. Амбициозный молодой адвокат искал славы и потому предложил матери Хикмана защищать её сына бесплатно. Поскольку семья была небогатой, то и предложение показалось заманчивым! В общем, в начале января 1928 г. Джером прибыл в Лос-Анджелес и деятельно принялся за работу.

Защиту Уильяма Хикмана, казавшуюся делом совершенно безнадежным, Уолш решил построить на совсем свежем законе штата Калифорния, освобождавшем от уголовного преследования душевнобольных. Если подсудимый признавался присяжными таковым, то суд останавливался, и приговор не выносился. А подсудимый отправлялся в психиатрическую лечебницу сроком на 1 год. Если по итогам лечения его признавали «излеченным», то он выходил на свободу, а ежели лечение признавалось консилиумом недостаточным, то оставался ещё на год – до следующего консилиума. Но в любом случае никакого повторного суда быть не могло!

Главная проблема заключалась в том, чтобы убедить, что подсудимый душевно болен. После этого можно было изобразить «позитивную динамику» и – вуаля! – на свободу с чистой совестью. Закон этот был очень несовершенен, и получилось так, что Уильям Хикман, точнее, его адвокат, стал первым, кто попытался реализовать предложенную схему на практике.

Джером Уолш ко времени своего появления в Лос-Анджелесе только-только начал адвокатскую карьеру. Его приняли в члены коллегии адвокатов города Канзас-сити лишь за полгода до описываемых событий, и «дело Хикмана» стало фактически первым крупным делом в послужном списке Уолша.

Находчивый адвокат провёл работу с клиентом, и тот моментально согласился с тем, что тяжело болен. Уильям Хикман в середине января 1928 г. рассказал истинную историю о том, что толкнуло его на преступление. Сделал это, как несложно догадаться всякому проникательному читателю, злой демон по имени «Провидение» («Providence»). Сам Хикман никого бы пальцем не тронул, но злая сущность из иного мира полностью подчинила его волю!

Именно с такой версией событий и совершенно откровенным «закосом под невменяшку» Уильям Хикман и его адвокат Джером Уолш вышли на процесс. Суд начался 25 января 1928 г., буквально через месяц с момента задержания обвиняемого. Такая неожиданная для того времени оперативность стала возможна потому, что ещё до суда имело место сознание обвиняемого в совершении преступления [это сразу упрощало досудебное расследование окружной прокуратуры].

Председательствовал на процессе судья Карлос Харди (Carlos Hardy), но ещё до начала суда адвокат Уолш подавал ходатайство о его отзыве. Уолш добивался назначения судьи, приглашённого из другого округа. Таковой судья по фамилии Трабукко (Trabucso) присутствовал на процессе в статусе «специального выездного судьи».

В дальнейшем Уолш ещё раз подал ходатайство об отзыве местного судьи, и коллегия окружного суда решила это ходатайство удовлетворить. Харди был снят с процесса, а его место занял Трабукко. Всеми наблюдателями эта замена была сочтена хорошим для защиты знаком.

За ходом суда следило 76 официально аккредитованных репортёров со всей страны. Для оперативности их работы в коридорах и фойе были установлены многочисленные телефонные кабины, позволявшие журналистам звонить в свои редакции с минимальными задержками.

Главным обвинителем на процессе был окружной прокурор Эйша Кейс.

Несколько иллюстраций, связанных с «делом Хикмана». Вверху: прокурор округа Лос-Анджелес Эйша Кейси, обвинитель на судебном процессе; судья Карлос Харди и адвокат Джером Уолш. Внизу: Уильям Хикман и Уэлби Хант (он позади) выходят к автомашине во дворе здания суда. Слева – иллюстрация в газете, справа – исходный фотоснимок.

По одному с Хикманом процессу проходил и Уэлби Хант. Помимо похищения и убийства Мэрион Паркер суду предстояло рассмотреть и убийство аптекаря Блейна. Понятно, для чего различные эпизоды, разделённые интервалом более года, объединялись в рамках одного процесса – обвинение рассчитывало на конфликт обвиняемых, при котором адвокаты одного из них будут валить вину на другого. Это хорошо известный принцип «разделения защит» или, как его ещё иногда называли, «раздельной защиты». Расчёт этот полностью оправдался – бывшие друзья явно тяготились присутствием в одном зале, не смотрели друг на друга и не разговаривали. Уэлби Хант выглядел крайне подавленным, Хикман держался пободрее, но видно было, что и он очень напряжён.

Уолш, прекрасно понимая, что принцип «разделения защит» крайне нежелателен для его подзащитного, предпринял отчаянные усилия для того, чтобы разнести слушания по разным эпизодам на разное время. Он несколько раз подавал ходатайства, предусматривавшие не менее чем 2-недельный интервал между рассмотрением по существу обстоятельств убий-

ства девочки и аптекаря. В конце концов, ссылаясь на сложность вызова свидетелей из других штатов, он сумел добиться того, чего хотел. Во время заседания 1 февраля судья постановил, что рассмотрение обвинения в убийстве Блейна не может начаться ранее 15 числа. Вдова аптекаря, услышав это, вскочила со своего места и закричала адвокату: «Как же я тебя ненавижу!» («Oh, how I hate you!»). В зале поднялся шум, маршалу пришлось наводить порядок, а судье – стучать дубовым молоточком, призывая публику к спокойствию.

Журналисты могли быть довольны, скандал – это всегда интересно и хорошо продаётся!

Джером Уолш очень интересно построил защиту. Он дал высказаться людям, хорошо знавшим Хикмана с лучшей стороны – речь идёт о школьном товарище Доне Джонсоне (Don Johnson) и школьной учительнице Наоми Бриттон (Naomi Britton). В школе подсудимый учился очень хорошо, о чём в своём месте уже упоминалось, поэтому неудивительно, что в этой части свидетельских показаний Хикман собрал множество лестных эпитетов. Например, Джонсон дословно сказал о нём так: «Эдвард был блестящий ученик средней школы, неутомимый труженик и безупречный оратор» («Edward had been a brilliant student in high school, an Indefatigable worker and a polished orator»). Не менее восторженно отзывалась о бывшем ученике и Наоми Бриттон, она, судя по всему, вообще была дамочка весьма экзальтированная, впечатлительная и потому отлично сыграла отведённую ей роль.

Но затем в ходе допросов этих свидетелей адвокат мягко навёл их на рассказы о проблемах Хикмана. Проблемы и впрямь у последнего нашлись. В последнем классе школы он принял участие в предварительном отборе Национального конкурса ораторов и... не прошёл его. Хикман отреагировал на провал до такой степени болезненно, что удивил всех – бросил занятия в театральной студии, которую до того прилежно посещал, и тем доставил массу проблем товарищам, которым пришлось срочно подыскивать ему замену.

Слева: Уэлби Хант с отцом и адвокатом во время суда в январе 1928 г. Справа: Наоми Бриттон, школьная учительница Хикмана. Согласитесь, это изумительное одухотворённое лицо просится в демотиватор.

Затем Уолш вызвал в качестве свидетеля защиты Джеймса Паркера – этот человек не имел отношения к семье Паркеров из Лос-Анджелеса, просто являлся их однофамильцем. Джеймс владел продуктовым магазином в Канзас-сити, и Хикман подрабатывал у него некоторое время после окончания школы. Подрабатывал совсем немного, буквально пару недель. Молодой человек оказался совершенно непригоден к той работе, которая от него требовалась. В магазин поступала живая птица, которую надо было забить, ощипать и выпотрошить – в этом

была самая «фишка» торговли, все товары свежайшие, 2 часа назад курица кудахтала, а сейчас вы можете получить за толику малую... Быстро выяснилось, что «юноша бледный со взором горящим» не годен ни на что вообще – Хикман не мог ни отрубить курице голову, ни выдергать перья с тушки, а уж о том, чтобы вспороть живот и извлечь внутренности, не могло быть и речи.

Паркер признался, что крайне удивился, когда услышал об обвинениях Хикмана в том, будто тот убил, расчленил и выпотрошил труп ребёнка. Если Хикман действительно такое сделал, то объяснения подобной перемене в этом молодом человеке торговец найти не мог.

После этих в высшей степени познавательных показаний Уолш перешёл к тому, что можно было назвать «гвоздём программы». В качестве такового выступили аж 3 психиатра из разных концов страны – доктора Браун (Dr. L. K. Brown), директор психиатрической больницы в городке Литтл-Хук (Little Hook insane hospital), штат Миссури, Генри Рут (H. V. Ruth) из Талсы (Tulsa), штат Оклахома, и Уильям Чамберс (W. C. Chambers) из Хартфорда (Hartford), штат Коннектикут. Все эти почтенные джентльмены в разное время лечили от расстройства психики Еву Хикман, мать подсудимого.

Оказалось, что мама убийцы была сильно нездорова головушкой, причём всю свою взрослую жизнь. Врачи отмечали у неё симптоматику шизофрении – сейчас от этого слова отказались в пользу более щадящего самолюбие термина «биполярное расстройство». На этапе возбуждения (мании) Ева Хикман в целом выглядела неплохо, но главные беды начинались в тот период, когда у женщины начиналась депрессия. Она подолгу переживала дисфорию – состояние подавленного гнева и отчаяния – и неоднократно пыталась покончить с собою. Но ладно бы, если только с собою! Она пыталась убить детей, считая их виновными в своей несчастливой семейной жизни. Еву несколько раз помещали в психиатрические лечебницы – и там ей, наверное, действительно было лучше, чем на свободе. Помимо этого, она высказывала всевозможные претензии в адрес окружающих – соседей, родственников, продавцов в магазинах... Когда претензии высказывает такая женщина, их надлежит расценивать как угрозы, поэтому врачи считали её общественно опасной.

В общем, матушка оказалась тем ещё сладеньким крендельком! Но покончив с мамашей, адвокат принялся за папашу. Формально тот не являлся душевнобольным – он был просто подонок! Для того чтобы жюри присяжных получило представление о папаше преступника, Уолш вызвал для дачи показаний начальника полиции Канзас-сити Чарльза Эдвардса (Charles Edwards) и его жену.

Слева направо: судья Трабукко; мать убийцы Ева Хикман; его отец Уильям Томас Хикман.

Эдвардс рассказал, что лично знал семью Хикманов, причём в силу обстоятельств довольно неприятных и даже тягостных. Хикман-старший являлся мелким преступником – дебоширом, вором – и, будучи мужчиной сильно пьющим, в подпитии регулярно попадал за решётку. Он не казался закоренелым негодяем, во всяком случае полиции ничего не было известно о его причастности к совершению тяжких преступлений, но 6 раз под судом он побывал. В общем, если говорить совсем просто, это был алкоголик с дурным характером. После того, как Ева Хикман в очередной раз попала в клинику душевных болезней, встал вопрос о том, кто будет присматривать за несовершеннолетними детишками. Дети были уже довольно взрослые – 13 и 11 лет – но самостоятельно жить они не могли. Да и разлучаться Уильям и Мэри не хотели, так что передача в сиротский дом казалась не лучшим выходом в создавшейся ситуации.

Уильям Томас Хикман в это время сидел в местной тюрьме после того, как в очередной раз проиграл в карты и устроил драку. Его нельзя уже было освобождать условно-досрочно, поскольку он являлся рецидивистом – то есть неоднократно судимым – а на эту категорию осуждённых право на условно-досрочное освобождение не распространяется. Однако окружная прокуратура решила выйти в суд с таким предложением, дабы детей не оставлять без родителей [пока мама на лечении]. Начальник полиции Эдвардс лично явился в суд, дабы ходатайствовать о предоставлении Хикману-старшему возможности выйти на свободу, доказывая, что тот является человеком неплохим, любит детей и, вообще, пообещал исправиться.

Судья прислушался к окружному прокурору и начальнику полиции – такое было, кстати, вполне в обычаях того времени, американские судьи порой очень широко перетолковывали юридические нормы и в целом могли, что называется, войти в положение. Судья пожелал лично поговорить с Хикманом-старшим, того привезли из тюрьмы, и папаша, прижимая руку к сердцу, поклялся, что не притронется с спиртному и будет хорошим отцом, если только ему позволят освободиться условно-досрочно. Судья стукнул молоточком из американского дуба по дощечке из американского дуба и выпустил кормильца на свободу.

О том, что произошло далее, проницательные читатели догадаются без подсказки автора. Хикман-старший забрал все деньги, какие имелись в доме, да и свалил к брату в Техас, где с тех пор и жил, скрываясь от Закона.

Чарльз Эдвардс, сознавая свою ответственность за детей, которых он не позволил передать в сиротский дом, не мог оставить без надзора Уильяма-младшего и Мэри. Вместе с женой он принял на себя все хлопоты по их содержанию вплоть до возвращения Евы Хикман из больницы. Так начальник полиции Канзас-сити и его жена сделали фактически опекунами детей.

Самое смешное заключается в том, что Уильям Томас Хикман притаился из Эль-Пасо в Лос-Анджелес на суд. Так сказать, поддержать горячо любимого сыночка... И представляете, тут на него вылился такой ушат помоев! Он сидел в зале, предвкушал интерес к собственной персоне со стороны журналистов, возможно, рассчитывал на вызов в качестве свидетеля – и тут такое принародное посрамление!

Окружной суд Лос-Анджелеса во время суда над Хикманом стал объектом притяжения большого количества зевак. Мест в самом большом зале заседаний не хватало, но люди у входа в здание проводили по несколько часов, рассчитывая, что кто-либо покинет зал, и тогда маршал позволит войти человеку с улицы (фотография из январской 1928 г. газеты).

В целом же нельзя не отметить того, что Джером Уолш очень толково построил защиту, наверное, наилучшим способом из всех возможных. Всякому, выслушавшему все эти рассказы о Хикмане и его родителях, хотелось обнять убийцу и плакать – такой он был весь из себя несчастный и талантливый... Если бы обвиняли его в убийстве взрослого мужчины, то, скорее всего, замысел адвоката сработал, и Хикман получил бы нужный защите вердикт. Или уж вердикт с формулировкой «заслуживает снисхождения» точно.

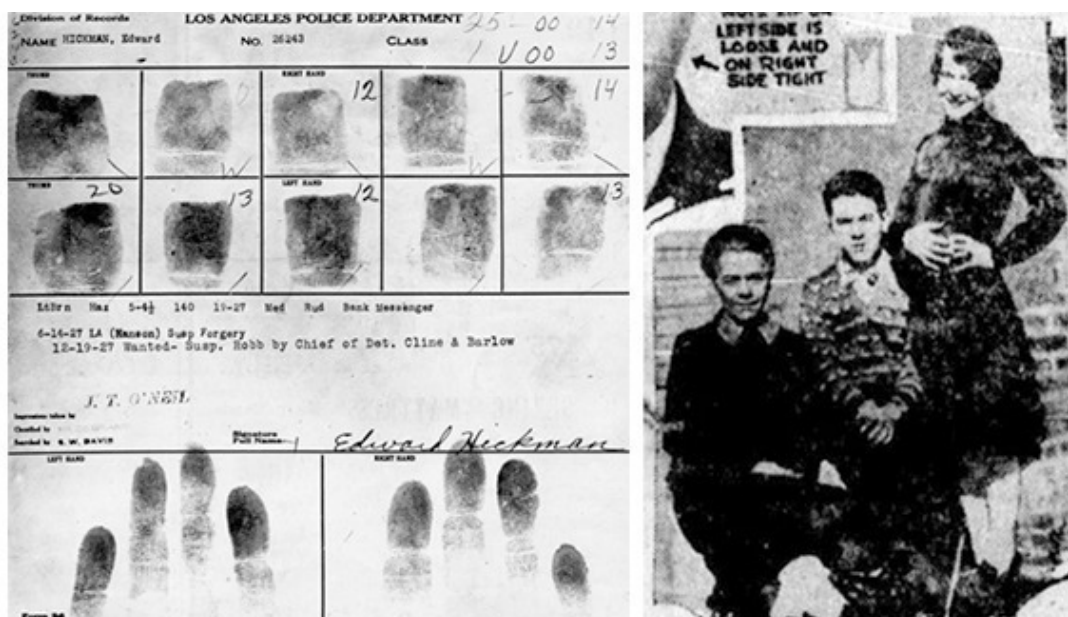
Но в данном случае речь шла об изуверском убийстве 12-летней девочки, её вероятном изнасиловании, последующем расчленении трупа, разбрасывании фрагментов тела в черте города и попытке скрыться от Закона. Причём попытке очень энергичной и почти удавшейся, ведь поймали-то Хикмана более чем за 1200 км от места совершения преступления! Так что ни о каком безумии речь идти не могла. Да и о снисхождении тоже! Ведь этот человек, не моргнув глазом, оклеветал своего дружка Оливера Крамера и заперся до последней возможности, пока детектив Рэймонд не объяснил ему, что к чему.

Так что вердикт присяжных оказался неумолим, и следует признать, что в данном случае американское правоприменение сработало безукоризненно. Хикман не был признан невменяемым, и судья Трабукко 14 февраля вполне оправданно приговорил его к смертной казни через повешение.

По свидетельству журналистов, наблюдавших в ту минуту за поведением подсудимого, Хикман плохо владел собой – во время речи судьи он побледнел, его стала бить дрожь, и едва Трабукко закончил говорить, он буквально упал на стул. Однако ему удалось быстро взять себя в руки, буквально через 10 минут он уже поворачивался в сторону зала и позировал, подобно актёру, выходящему после спектакля на «бис». Жажда славы пересиливала все физиологические проявления слабости...

Первоначально дата казни была назначена на 27 апреля всё того же 1928 г. Но по мере приближения этого необыкновенного дня Уильям Эдвард Хикман стал волноваться и, в конце концов, 17 марта сделал заявление, из которого следовало, что в действительности убийство аптекаря Блейна 1 декабря 1926 г. совершил он – Хикман – а отнюдь не Уэлби Хант. Последний, напомним, был судим за это убийство и получил приговор к пожизненному заключению. Новая версия событий, кстати, полностью соответствовала показаниям Фрэнка Бернуди, кото-

рый знал об убийстве аптекаря из рассказов самих же преступников. Понятно, что сознание Хикмана в убийстве полностью меняло правовую оценку деяний Уэлби Ханта, что должно было повлечь пересмотр приговора в отношении последнего.

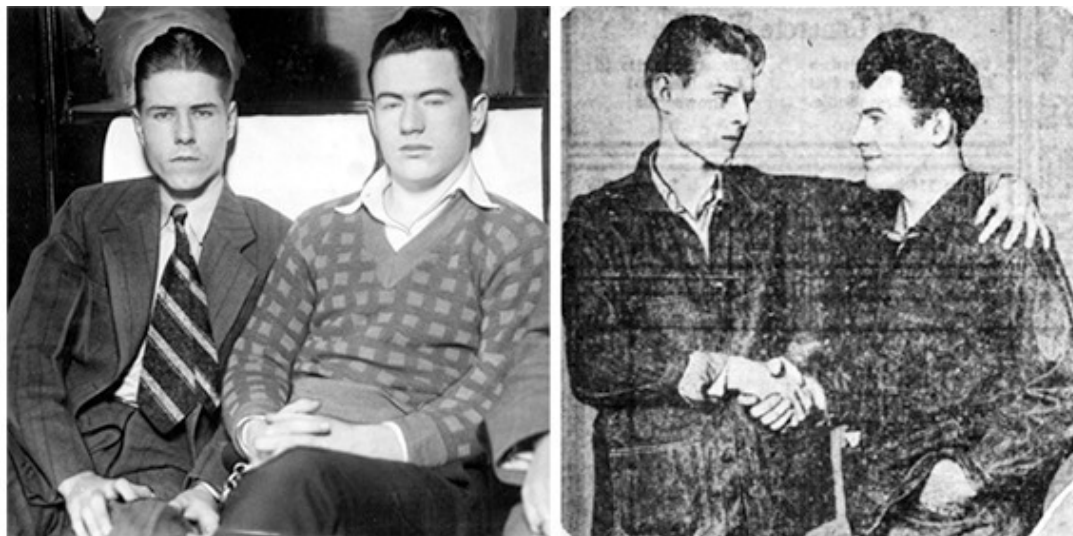
Пара фотографий, связанных с Уильямом Эдвардом Хикманом. Слева: бланк лицевой стороны дактокарты с отпечатками пальцев преступника. Справа: фотография из газеты, изображающая Хикмана с матерью и младшей сестрой.

Исполнение смертной казни было отложено. На протяжении марта и апреля Хикмана несколько раз привозили в суд, где тот повторял своё заявление. Во время этих поездок Уильяму удалось встретиться с бывшим другом – они примирились и спокойно общались в дальнейшем. Эта новость попала в газеты, фактически это были последние сообщения, связанные с Хикманом.

Уильям содержался в тюрьме Сен-Квентин, там же содержался и Уэлби Хант. Администрация периодически позволяла им видеться [Хикман, будучи смертником, был отделён от прочих заключённых, и без разрешения тюремного руководства к нему никто не мог приблизиться].

Адвокат Джером Уолш пытался добиться отмены приговора, настаивая на том, что суд вообще не должен был проводиться в округе Лос-Анджелес, где невозможно было отобрать непредвзятое жюри, но в успех этого начинания вряд ли верил. Хотя формально адвокат Уолш проиграл это дело – как сам суд, так и все возможные попытки отмены и пересмотра приговора – тем не менее история Хикмана сыграла огромную роль в жизни и карьере юриста. Его инициативная и яркая защита во время сенсационного процесса моментально сделала Уолша известным и повсеместно желанным. Джером быстро обзавёлся важными знакомствами и серьёзными связями, достаточно сказать, что на протяжении многих лет он был личным другом Гарри Трумэна, да-да, вы поняли всё правильно, речь идёт о будущем президенте США. Уолш на протяжении многих лет поддерживал личную переписку с Трумэном, которая ныне хранится в фонде последнего в библиотеке Конгресса США и является важным источником информации для исследователей истории страны середины XX столетия.

Вернёмся, впрочем, к Хикману. Вполне ожидаемо апелляция Джерома Уолша оказалась отклонена, и Уильям Хикман был благополучно повешен 19 октября 1928 г. в тюрьме Сен-Квентин.

Фотографии Уильяма Эдварда Хикмана и Уэлби Ханта после примирения друзей и подельников. Обратите внимание на «нимбы» на фотографии слева – это вовсе не работа автора в «Photoshop» -е, как, может быть, кто-то подумал. Это ретушь, сделанная фотохудожником ещё в 1928 году. Многие фотографии той поры несут следы довольно грубой правки карандашом, которая была необходима для улучшения картинки перед её печатью тогдашней типографской техникой весьма невысокого по нынешним представлениям качества.

Расследование похищения и убийства Мэрион Паркер вошло во все обучающие курсы оперативной подготовки сотрудников правоохранительных органов как пример ненадлежащей работы. Полиция полностью провалила начальный этап расследования, не изолировав потерпевшую семью и не организовав чёткий и безусловный контроль её телефонной связи и почтовых отправок. Полиция могла захватить преступника в апартаментах по месту проживания, если бы только там была оставлена засада, но и тут «законники» позорно сплеховали.

На исправление всех этих недочётов были брошены колоссальные силы правоохранительных органов. Охоту за преступником вели более 20 тысяч полицейских, сотрудников ФБР, служащих национальной гвардии в 3 штатах на Тихоокеанском побережье США. На протяжении многих десятилетий это была крупнейшая полицейская операция в истории страны. И хотя преступник в конечном итоге был схвачен и осуждён, некоторые аспекты содеянного им так до конца и не были выяснены.

Так, например, не удалось толком разобраться в мотивации Хикмана. Непонятно, почему он решил похитить дочь Перри Паркера, намеревался ли он с самого начала её убить, или убийство стало следствием того, что называют «эксцессом исполнителя» [ситуации, которая стала развиваться вразрез изначально выработанному плану]. Неясно, изнасиловал ли похититель девочку. Вообще же, довольно убедительным выглядит предположение, согласно которому именно изнасилование и последующее убийство являлись главной целью похищения девочки, и уже после исполнения задуманного Хикман решил на этом преступлении ещё и подзаработать.

Сам преступник в разное время давал своему поведению очень разные объяснения, но при этом категорически настаивал на том, что девочку он не насиловал и о мести её отцу не думал вовсе. Учитывая патологическую лживость Уильяма Хикмана, трудно отделаться от подозрения, что как раз-таки то, что он яростно отрицает, ближе всего к истине. Здесь следует особо обратить внимание на то, что о существовании Уэлби Ханта полиция узнала отнюдь не от Хикмана – тот валил вину на бедолагу Крамера, совершенно непричастного к преступлению! – а от Фрэнка Бернуди, то есть Хикман в силу склада своего характера был склонен

запираться до последней возможности. Поэтому принимать на веру его «чистосердечные признания» не следует – этот человек врал, как дышал.

Уильям Эдвард Хикман родился 1 февраля 1908 г., повешен 19 октября 1928 г. Человек прожил короткую жизнь, совершенно бессмысленную, бесполезную, наполненную неудовлетворённой потребностью славы и признания. Он убил 2-х людей, не сделавших ему зла и даже не знакомых ему лично. Он никого не сделал счастливым и наверняка даже не пытался. В дореволюционной России о таких говорили «бессмысленный человек», согласитесь, какое же точное определение!

Уильям Хикман являлся психопатом кристальной чистоты, незамутнённым, эталонным. Будучи неискоренимым нарциссом и эгоистом, он рос с чувством неодолимой веры в собственную исключительность, незаурядность и превосходство над окружающими. Но окружающий мир ничего не знал о талантах юного психопата и постоянно унижал его самомнение. Хикман вырос маленьким и тщедушным, семья у него была не семьёй в понимании нормальных людей, а каким-то позорищем – мама психбольная, папа – алкаш и безбашенный уголовник. Выдающегося актёра из Уильяма не получилось – он провалился ещё на этапе предварительного отбора кандидатов на национальный конкурс. Он, может быть, и пошёл бы учиться в колледж, но денег на учёбу не было! А где их взять, неужели он должен был их заработать в продуктовом магазине, где надлежит рубить курицам головы и потрошить их тушки?! И этим неблагодарным и постыдным трудом должен заниматься такой исключительный человек, как Уильям Эдвард Хикман?! Да это же издевательство...

Столкновение со взрослым миром оказалось разрушительным для юного психопата. Мир был равнодушен к нему, и людям не было дела до его талантов, существовавших по большей части лишь в его собственном воображении. Отсюда фрустрация, жесточайший стресс, в состоянии которого Хикман жил долгое время, пока не нашёл, как ему казалось, лёгкий выход. Ему требовалось больше денег – деньги снимали стресс, повышали самооценку и позволяли снисходительно поглядывать на окружающих.

Так появились мысли об осуществлении грабежей аптек... Так родился план вбрасывать поддельные чеки по месту работы в банке...

И став однажды на кривую дорожку, Хикман уже не мог, да и не хотел с неё сходить. Ну, в самом деле, чем заниматься такому яркому и неординарному человеку – в дорожные рабочие пойти, что ли, или птицу в магазине потрошить?! Но взрослый мир не признавал таланты Хикмана и быстро показал, что его «дьявольски хитрый» план по подделке чеков – это

полнейшая тупизна, сгенерированная в голове деревенского дурачка, приехавшего в большой город и решившего всех быстренько обмануть. Обмануть не получилось, и дурачок-психопат ожидаемо отправился куковать на тюремную шконку, но виноват в этом оказался – кто? – правильно, Перри Паркер!

Ну, а кто же ещё? Не Хикман ведь, в самом деле?! Наш Филат не бывает виноват...

Именно Паркера будущий убийца винил в том, что всё в его жизни пошло наперекосяк. И план похищения Мэрион Паркер преступник наверняка вынашивал с того самого времени, как оказался в тюрьме осенью 1926 г. Он долго лелеял в душе свой замысел, продумывал его мельчайшие аспекты, готовился – прежде всего морально – к реализации задуманного. Именно месть Перри Паркеру направляла мысли и дела Уильяма Хикмана, хотя сам преступник никогда не признавал этого.

История эта тягостная, отвратительная, и у неё никогда не будет хорошего конца.

Чикагская бригада смерти

Бывают сложные и запутанные уголовные расследования, которые начинаются тривиально и даже скучно – ничто не обещает головоломного сюжета и игры нервов. Следствие, отталкиваясь от довольно очевидных на первый взгляд исходных данных, постепенно вползает в сложную и запутанную историю, совсем неочевидную поначалу.

Но случаются порой – кстати, гораздо реже – события настолько драматичные и невероятные, что уже первое знакомство с ними заставляет детективов понять, что впереди их ждёт нечто, выходящее за рамки традиционного опыта. Убивают много и часто во многих странах, но почти всегда эти убийства либо совсем уж глупые (на бытовой почве), либо с довольно тривиальным и убогим мотивом – ограбление, личная неприязнь и тому подобное. По-настоящему необычных убийств происходит не так много, как можно заключить из художественных фильмов или романов. Многие следователи и оперативные работники умудряются за время всей своей службы в правоохранительных органах ни разу не столкнуться с по-настоящему непонятным и запутанным убийством.

Но именно одной из историй такого рода преступлений посвящён этот очерк.

Начало этой воистину феерической саги совпало с приходом лета 1981 г. В тот год 1 июня в районе Великих озёр бушевал циклон, и дождь обильно поливал районы к югу от озёр Гурон и Мичиган. Горничная мотеля «Братец кролик» (не надо смеяться, он так и назывался – «Brag rabbit») в Элмхёрсте, западном пригороде Чикаго, уже третий день жаловалась на отвратительный запах, исходивший из кустов в глубине квартала. Местность там была фактически сельской, плотной городской застройки не существовало, хотя дороги делили территорию населённого пункта на чёткие кварталы. В те времена в Элмхёрст из окрестных лесов порой забредали олени, зайцы, лисы, еноты, хотя обычно набеги животных происходили зимой, когда лесная живность для прокорма кочевала поближе к жилью и помойкам. Менеджер мотеля, прислушавшись к жалобам горничной, отправился в один из номеров и открыл окно, выходящее на противоположную от проезжей части сторону. Он почувствовал отвратительный запах гниющей плоти и решил, что где-то за мотелем лежит мёртвый олень.

Вооружившись лопатой, чтобы закопать тушу, мужчина отправился на поиски источника запаха. На удалении примерно 30 метров от мотеля он нашёл то, что искал. Вот только запах разложения источал отнюдь недохлый олень, а покрытое копошащимися червями женское тело, лежавшее на животе. В том, что труп был именно женским, можно было не сомневаться – трикотажное платье и спущенные до колен кружевные трусики однозначно указывали на половую принадлежность погибшей. Заведённые за спину руки были скованы наручниками, так что ломать голову над тем, явилась ли смерть женщины результатом несчастного случая или преступления, не приходилось.

Шокированный ужасным зрелищем, менеджер со всех ног помчался к телефону. Полицию долго ждать не пришлось – не прошло и трёх минут после звонка, как возле мотеля затормозила первая патрульная машина.

Так началось одно из самых сенсационных и по-настоящему необычных расследований за всю историю штата Иллинойс.

Кадры из обзорной видеозаписи, сделанной криминалистами 1 июня 1981 г. по прибытии к мотелю «Breg rabbit».

Уже первый осмотр тела на месте обнаружения показал, что полиция столкнулась с очень необычным преступлением и следствие не будет простым. Нельзя не упомянуть, что незадолго до описываемых событий – в марте 1980 г. – городским судом Чикаго был осуждён «рекордсмен» среди американских серийных убийц, Джон Уэйн Гейси, убивший, как считалось, 33 человека, и вот теперь Чикаго вновь оказался в эпицентре будоражащего воображение расследования.

Может показаться удивительным, но за истёкшие 30 с лишком лет мотель «Bret rabbit» не исчез и даже не очень-то изменился. Фотография сделана осенью 2011 г.

Осмотр тела на месте обнаружения и последующее судебно-медицинское исследование, проведённое группой специалистов, возглавил помощник шерифа округа ДюПейдж (DuPage), на территории которого находился мотель, Питер Сикманн (Peter Siekmann). Расследованием руководил лейтенант Джон Миллнер (John Millner), начальник отдела расследования тяжких преступлений против личности Департамента полиции Элмхёрста. И тот, и другой сделали в последующем неплохую карьеру – Сикманн стал шерифом, а Миллнер получил звание командера и возглавил городскую полицию. Нельзя не отметить, что карьерный успех обоих был во многом обусловлен их участием в расследовании преступлений, которым посвящён настоящий очерк.

Итак, как уже было отмечено, в кустах за мотелем был обнаружен труп чернокожей женщины с руками, скованными за спиной наручниками. Тело находилось в положении «лёжа на животе», торс был облачён в полосатое трикотажное платье, задранное до ягодиц, трусики – спущены к коленям. Обувь отсутствовала, но на трупе остались оба носка. В левом были найдены 17\$ – и это открытие сразу навело на мысль, что погибшая занималась проституцией. Именно у проституток есть манера прятать деньги, полученные от клиентов, в неожиданные и малодоступные места – обувь, носки, ремешок и прочие. Тело казалось сильно разложившимся из-за обилия белых червей, покрывавших его словно покрывалом, однако более внимательный осмотр показал, что значительное число червей связано отнюдь не с далеко зашедшим процессом распада тканей, а с многочисленными ранениями кожи, прежде всего, ног. Именно в этих порезах мухи и отложили свои яйца, развившиеся через несколько суток в личинки (личинки мух червеобразны, поэтому их поначалу и приняли за червей).

Но самое шокирующее открытие помощник шерифа сделал, перевернув труп на спину. Оказалось, что платье погибшей имело длинный горизонтальный разрез, открывавший доступ к груди женщины. Грудь погибшей была обнажена, но... левая грудь была отрезана у самого основания. В образовавшейся ране просматривались рёбра.

Ампутация груди поразила всех присутствовавших. С подобным сотрудники полиции Элмхёрста и службы шерифа ещё не сталкивались.

По общему мнению осматривавших место обнаружения трупа, погибшая была умерщвлена в другом месте и доставлена сюда автомашиной. Поскольку сильный запах разложения горничная мотеля почувствовала тремя днями ранее, получалось, что тело появилось в этом месте около 70—80 часов до вызова полиции, то есть примерно 28 мая 1981 г. Дальнейшее уточнение должен был сообщить шериф по результатам судебно-медицинского исследования останков.

На самом деле труп оказался в относительно хорошей сохранности. Хорошей настолько, что с него удалось снять отпечатки пальцев. Это была большая удача, поскольку погибшую негритянку в Элмхёрсте не знали, и детективы сразу заподозрили, что женщину привезли сюда из Чикаго. Поэтому получив в своё распоряжение дактилоскопическую карту трупа, криминалисты начали поиск соответствия именно в базе данных проституток Чикаго. Даже при отсутствии компьютера этот процесс не занял много времени – уже через 12 суток тело удалось предварительно идентифицировать. (Это был действительно неплохой результат, поскольку работа с базой дактокарт велась тогда исключительно «вручную», в несколько этапов с круговой проверкой результатов. Даже сейчас, в условиях повсеместного внедрения компьютерных технологий, окончательное заключение о совпадении отпечатков папиллярных узоров руки выносит всё-таки человек, эксперт-криминалист, хотя и на основании предварительной выборки, сделанной компьютером). Последующее сопоставление стоматологической карты предполагаемой жертвы и зубов погибшей показало, что следствие находится на верном пути и принадлежность трупа определена верно.

Погибшей оказалась чернокожая проститутка Линда Саттон (Linda Sutton), жительница Чикаго, хорошо известная местной полиции. Женщина имела двоих детей, которые воспитывались бабушкой. На момент смерти ей исполнился 21 год. Сознвая серьёзность предстоящего расследования, правоохранные органы сообщили средствам массовой информации некоторые неверные детали, призванные в дальнейшем отличить значимую информацию от выдумок разного рода сумасшедших, решивших оговорить самих себя (такое случается довольно часто в случаях сенсационных уголовных расследований). В частности было сообщено, будто возраст Линды составлял 26 лет, и нашли её тело в другом месте, возле мотеля «Rip Van Winkle». Эта информация на долгие годы укоренилась в печати и никем не подвергалась сомнению. Лишь недавно обнародованные данные расследования позволили установить истину. Также на первом этапе расследования от средств массовой информации был скрыт факт ампутации груди, хотя долго держать в тайне эту деталь всё же не получилось.

Линда Саттон была убита в возрасте 21 года, но полиция сознательно сообщила средствам массовой информации неверные данные о её возрасте и месте обнаружения тела.

Линда ушла из дома 23 мая 1981 г. Если считать, что её труп 28 числа уже был помещён в кусты позади мотеля «Братец кролик», то очевидно, что убийство должно было произойти в интервале с 23 по 28 мая. Все силы полиции Чикаго и Элмхёрста были брошены на то, чтобы установить, как и с кем Линда Саттон провела последние дни своей жизни.

Судебно-медицинское исследование тела Линды Саттон показало пугающую картину пыток и предсмертных страданий жертвы. Останки были фрагментарно скелетированы, и визу-

ально со стороны спины и груди были видны 5 пар рёбер. Но произошло это не потому, что плоть долго разлагалась, а совсем по другой причине – убийца исполосовал тело ножом и, скорее всего, срезал мягкие ткани в области торса, облегчив тем самым насекомым-разрушителям трупов доступ к внутренним органам.

Трикотажное платье с длинными рукавами, в котором была найдена Линда Саттон, имело на груди длинный горизонтальный разрез.

Как уже было отмечено, левая грудь погибшей была ампутирована. Судебный медик посчитал, что для проведения этой манипуляции преступник воспользовался длинным острым ножом либо орудием с длинным клинком наподобие японского меча или мексиканского мачете. Ровный край среза указывал на большую длину режущей кромки, благодаря чему грудь была удалена за «один проход» (то есть её не «пилили» несколькими движениями, а отсекли одним движением).

На поясице слева зияла глубокая раскрытая рана длиной до 15 см. Уже одно только это ранение и вызванное им обильное кровотечение потенциально могло привести к коллапсу и последующей гибели жертвы.

Но помимо описанных выше ран, большое количество укулов ножом было нанесено в нижнюю часть тела женщины как спереди, так и сзади. 2 ножевых удара пришлись на подвздошную область (брюшину) справа и слева, ещё 3 – в ягодицы. Не менее 15 ударов ножом были нанесены на заднюю и боковые поверхности левой ноги и ещё 16 - в правую ногу.

Время наступления смерти Питер Сикманн определил интервалом в 72 часа до момента обнаружения трупа. Сильное же повреждение трупа в результате действий насекомых он объяснил тем, что большое количество ножевых ранений открыло им доступ к внутренностям погибшей и способствовало их быстрому размножению. (Человеческая кожа является эффективным барьером на их пути, поэтому именно в раны и естественные отверстия тела насекомые откладывают свои личинки). Кроме того, гниению и аутолизу тканей способствовала тёплая и влажная погода последних дней мая.

Судебно-медицинское исследование показало, что в рот погибшей убийца затолкал тряпку, которая не являлась деталью одежды погибшей, и её происхождение было непонятно. В дальнейшем было сделано ещё одно любопытное открытие – стало известно, что Линда Саттон уходила из дома в брюках, однако ни на трупе, ни рядом с ним брюк найдено не было. Это означало, что брюки остались у убийцы либо выброшены в другом месте. Кусок ткани, использованный в качестве кляпа, не являлся фрагментом брюк.

Сексуальный мотив нападения сомнения не вызывал – отсутствие брюк, спущенные трусики, манипуляции с грудью жертвы были слишком красноречивы. Но сексуальное влечение

у убийцы явно отягощалось какой-то сложной девиацией (сексуальным отклонением), возможно, даже не одной, а целым букетом. Убийца, несомненно, являлся садистом, но, помимо этого, он мог быть одержим видом крови, поскольку причинение такого числа обильно кровоточащих ран не могло быть случайным. Он мог быть «зациклен» на женской груди как сексуально возбуждающем факторе, и это означало, что он устойчивый фетишист. Тот факт, что он отрезал одну грудь, а не обе, тоже заставлял подозревать глубокую девиацию. Как впоследствии вспоминал Джон Миллнер, детективы старались даже не думать о цели подобной ампутации и не обсуждали между собой, что именно мог сделать с добытым «трофеем» изувер-убийца. Миллнер намекал на возможный каннибализм преступника, и это тоже было очень вероятное допущение, хотя, забегая вперёд, надо признать, что фантазии полицейским не хватило, и убийца использовал отрезанную грудь отнюдь не только для употребления в пищу.

Фотографии 2006 г. Слева: Джон Миллнер, начальник полиции Элмхёрста. Справа: Питер Сикманн, коронер округа ДюПейдж. И тот, и другой приняли активное участие в расследовании убийства Линды Саттон в 1981 г.

Расследование убийства Линды Саттон с самого начала велось энергично, напористо и рассматривалось властями штата Иллинойс как одно из приоритетных. То, как преступник спрятал труп, однозначно выдавало в нём человека, хорошо знакомого с географией района Элмхёрст. Другими словами, местным блюстителем закона было ясно, что они имеют дело с местным ублюдком, который никуда из Чикаго не уедет, а продолжит убивать здесь, пока его не остановят. По гнусности своих деяний неизвестный убийца вполне мог тягаться с Джоном Уэйном Гэйси, а память о последнем, как уже упоминалось, была в Чикаго всё ещё свежа.

Розыск преступника вёлся по нескольким направлениям. Прежде всего отрабатывалась версия о знакомстве Линды Саттон с убийцей, для чего пристрастной проверке подверглись все мужчины, так или иначе знавшие погибшую. Были предприняты большие усилия для того, чтобы восстановить перемещения и встречи погибшей с того момента, когда она ушла из дома (то есть с 23 мая) до дня её предполагаемой гибели (25 мая). Исходя из предположения, что 17\$, найденные в левом носке погибшей, могли быть вручены ей последним клиентом (то есть убийцей), криминалисты предприняли попытку обнаружить на банкнотах скрытые отпечатки пальцев и определить их принадлежность. Работа была проделана немалая и, как казалось сначала, небезуспешная. На деньгах были найдены 66 полных и частичных отпечатков пальцев, пригодных к идентификации, и все они должным образом были «отработаны». Результат оказался «нулевым». Ну, то есть вообще без малейших зацепок.

У полиции и криминалистов не склеивалось ничего – не нашлось ни одного свидетеля, ни единой улики, хоть как-то указывающей на то, куда и с кем могла уйти Линда Саттон. Несмотря на энергичный розыск, привлечение больших оперативных сил чикагского департамента полиции, абсолютно никакого продвижения в расследовании чудовищного убийства не наблюдалось более полугода. Вольно или невольно преступник совершил «идеальное убийство» – если бы он остановился на этом, то никогда не был бы найден.

Но убийца не остановился. Такие убийцы сами по себе вообще не останавливаются.

12 февраля 1982 г., спустя более 8 месяцев со времени обнаружения тела Линды Саттон, полицейский патруль обнаружил тело следующей жертвы убийцы-изувера. Точнее, сначала была найдена пустая автомашина с торчащими из замка зажигания ключами. Машина заглохла на одной из северных набережных Чикаго по тривиальной причине – в баке закончилось топливо. На пассажирском сиденье осталась лежать сумочка хозяйки – помимо обычной дамской чепухи в ней находились водительское удостоверение и 135\$ наличными. Это были чаевые, заработанные владелицей машины, 35-летней официанткой престижного ресторана, за время ночной смены. То, что документы, деньги и сама автомашина остались не тронуты, наводило на мысль, что объектом преступного посягательства явилась именно женщина. Оперативно развернутая поисковая операция позволила уже через 2 часа обнаружить её труп далее по набережной.

Женщина была изнасилована, жестоко избита, исколота ножом и задушена, её левая грудь ампутирована. Труп был сброшен за парапет набережной в сторону воды (хотя в воду не попал, а остался лежать на гравийной отсыпке у основания набережной). Расстояние от брошенной автомашины до места обнаружения трупа составляло около 800 м, и это обстоятельство позволяло довольно точно восстановить картину случившегося. Казалось очевидным, что у женщины закончилось топливо в баке, она на некоторое время оставила салон (и даже не вынула ключи из замка зажигания), рассчитывая на помощь проезжающих автомобилистов, но... в числе проезжающих оказался преступник. Он моментально сориентировался в ситуации, воспользовался беззащитностью жертвы и посадил её в свою автомашину. Возможно, он пообещал погибшей довезти до ближайшего таксофона или автосервиса. Возможно, он пообещал ей что-то ещё... И его слова полностью усыпили бдительность здравомыслящей и опытной женщины. Всё-таки возраст жертвы составлял 35 лет – а это далеко не девочка, и таких женщин обмануть намного сложнее, чем несовершеннолетнюю школьницу. Как бы там ни было, убийца умудрился на освещённом шоссе уговорить жертву сесть в его автомобиль. Убийца был до того уверен в своей безнаказанности, что не стал мешкать с реализацией своих похотливых планов – он напал на свою жертву, отъехав буквально несколько сотен метров от того места, где они встретились. То есть нападение началось сразу с момента посадки жертвы в машину... Что тут скажешь? Убийца был самонадеян, смел и даже нагл.

И это заставляло подозревать наличие у него криминального опыта.

С этого момента к расследованию активно подключилось ФБР, точнее, «Вспомогательный отдел следственной поддержки», возглавляемый к тому моменту Джоном Дугласом, хорошо известным русскоязычным читателям «профилёром» Бюро. Рекомендации специалистов ФБР оказались довольно тривиальны: не сообщать журналистам фактических данных о жертве, времени и месте совершения преступления, не сообщать деталей причинённых убийцей телесных повреждений, никому не давать информации о случившемся. Вся входящая информация должна проверяться на предмет соответствия фактическим деталям преступления. «Профилёры» дали «поисковый портрет» предполагаемого убийцы, состоявший чуть ли не из 30 пунктов. По мнению психологов ФБР, убийцей являлся мужчина негроидной (либо смешанной) расы в возрасте от 30 лет и старше, бисексуальный, имевший опыт тюремных отсидок, состоявший в браке и имевший детей (собственных или усыновлённых). Убийца позиционировал себя как любителя домашних животных, скорее всего, имел в доме собаку или

даже не одну, его режим работы позволял ему отлучаться из дома в вечернее и ночное время, не вызывая подозрений. Возможно, что в детском или юношеском возрасте он был зарегистрирован как жертва инцеста – и это был серьёзный поисковый признак, на который стоило опереться следствию. Скорее всего, он часто проезжал по набережным Чикаго в вечернее или ночное время и как-то был связан с Элмхёрстом. По мнению «профилёров», география поездок убийцы косвенно указывала на род его занятий – он был связан с автосервисом, коммунальными службами, работал в частной строительной компании.

15 февраля 1982 г. последовало новое нападение, сильно напоминавшее предыдущий случай. На сей раз погибла 28-летняя пуэрториканка, замужняя женщина, мать двоих детей. Тело было найдено прямо на улице в неблагополучном районе города, на обочине у дороги ещё до того, как домашние спохватились по поводу её отсутствия и заявили в полицию. Левая грудь погибшей женщины была сильно искусана и представляла собой один сплошной кровоподтёк. Потерпевшая подверглась жестоким истязаниям, у неё была сломана нижняя челюсть, два ребра, лучевая кость правой руки (последнее ранение сильно походило на защитную травму, полученную во время активного сопротивления). Потерпевшая получила многочисленные уколы ножом в ноги, что очень напоминало повреждения Линды Саттон, однако не они явились причиной смерти – таковой была названа механическая асфиксия. Женщина погибла оттого, что её задушили руками. Женщина подверглась изощрённому изнасилованию, возможно с использованием каких-то предметов, на что косвенно указывали вагинальная и анальная травмы, кроме того на теле были обнаружены следы спермы. (О результатах её проверки на групповую принадлежность ничего не сообщалось, возможно, этот анализ в силу неких причин провести не удалось, либо его результат оказался неудовлетворителен.)

Было не совсем понятно, связаны ли февральские события 1982 г. с убийством Линды Саттон в мае предыдущего года. Имелись соображения как «за», так и «против» этого. В принципе, департаменты полиции Чикаго и Элмхёрста приняли решение рассматривать эти преступления в совокупности, то есть как связанные между собой, но кооперация двух полицейских управлений никаких видимых результатов не обеспечила. К концу весны 1982 г. расследование убийства Саттон оставалось всё в той же «точке замерзания», что и полгода назад – ни новых улик, ни свидетелей, ни подозреваемых... Вообще ничего.

Но 15 мая 1982 г. произошло событие, всколыхнувшее весь Элмхёрст и определённым образом повлиявшее на все дальнейшие события этого расследования. В тот день, около 08:45 была похищена молодая и привлекательная Лоррэйн Энн Боровски (Lorraine Ann Wogowski, её обычно звали «Лорри», чтобы отличать от матери, которую также звали Лоррэйн), 21 года, и случилось это при обстоятельствах весьма драматичных. Девушка работала в агентстве недвижимости, и в её обязанности входило открывать утром офис, находившийся в одной из пристроек большого торгового комплекса в самом центре Элмхёрста. Это была деловая часть города, чистая, уютная, безопасная, регулярно патрулируемая нарядами полиции. Тут вообще не происходило насильственных преступлений!

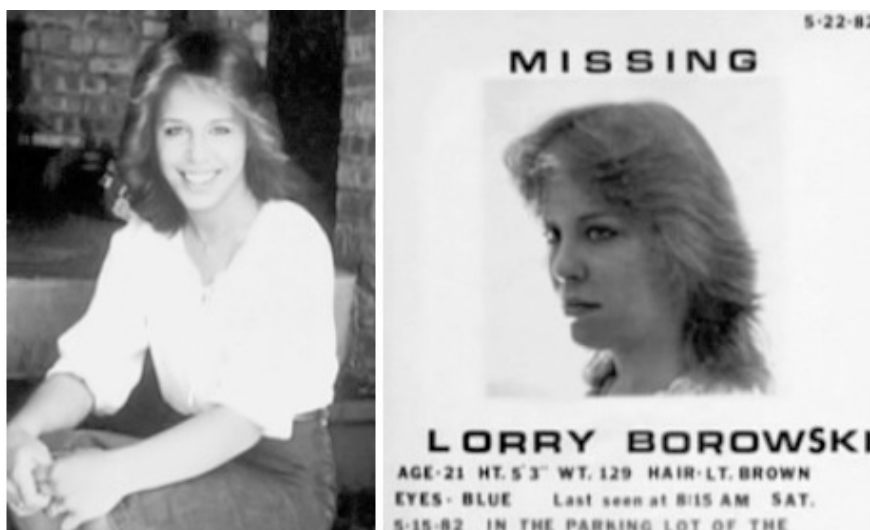
В то утро перед офисом компании «Римакс риэлторз» («Remax realtors»), который должна была открыть Лоррэйн, собралось несколько клиентов, с нетерпением дожидавшихся её появления. Девушка, однако, задерживалась, что, вообще-то, было для неё крайне нехарактерно. Дождаясь её, один из клиентов вышел из спонтанно возникшей очереди и принялся прогуливаться вдоль ряда машин, стоявших на парковке, и... к собственному немалому удивлению увидел, что машина Лоррэйн уже припаркована. Подойдя ближе, мужчина обнаружил лежавшие на земле ключи зажигания, разбитую пудреницу, тюбик губной помады и женские туфли, сброшенные явно небрежно или в спешке. Всё это выглядело до того подозрительно, что мужчина немедленно поднял тревогу. Ещё не было и 9-и часов утра, а на парковке уже появились полицейские и оцепили место предполагаемого похищения.

Как вспоминала мать Лоррэйн, в начале десятого часа ей позвонил детектив и сообщил об исчезновении дочери. Полицейский попросил родителей проверить квартиру дочери на предмет возможного проникновения воров, ведь ключи от квартиры на стоянке найдены не были. Лоррэйн-старшая и её муж Рэймонд немедленно отправились по месту жительства их пропавшей дочери. Вскоре там появились и полицейские, рассчитывая либо обнаружить следы воров, либо устроить засаду. Полиция, однако, не понадобилась – после осмотра квартиры дочери родители поняли, что посторонних тут не было. На тот случай, если похитители Лорри надумают всё же проникнуть в её жилище, была оставлена полицейская засада, дежурившая несколько суток. Когда стало ясно, что никто пропавшими ключами от квартиры не воспользуется, полицейских убрали.

Что дал поиск по горячим следам? Вообще-то, ничего. Может показаться невероятным, но девушку украли в людном месте в центре города совершенно незаметно. Везение преступника выглядело до такой степени фантастичным, что очень скоро следствие стало склоняться к мысли о возможной имитации похищения. Лорри была молода и привлекательна, возможно, она решила начать жизнь с «чистого листа» в другом месте? Отнюдь не глупое предположение – многие молодые люди в Америке предпочитают именно так уходить от семейных скандалов и непонимания родителей. Кроме того, если Лорри преследовал какой-то навязчивый и опасный ухажёр, то подобное бегство позволяло без долгого выяснения отношений порвать и с ним.

Полиция обратилась к платёжным системам с просьбой сообщить о возможных транзакциях по картам Лорри Энн Боровски, рассчитывая установить её местонахождение по географии покупок или съёма денег с банковских карт девушки, и на этом фактически остановилась.

Подобное отношение к розыску никак не могло устроить родителей пропавшей Лорри, и они взяли процесс поисков в свои руки. Напечатав большое число листовок с просьбой отозваться возможных свидетелей похищения, они спустя неделю с момента исчезновения дочери начали расклеивать их в людных местах. Группа друзей Лорри, вооружившись её фотографиями, опрашивала людей в торговых центрах, на автовокзале, возле кинотеатров и в прочих многолюдных местах. Кроме того родители обратились к средствам массовой информации, рассказав о трагедии. Лоррэйн-старшая сообщила журналистам, что «постоянно носит с собой белую простыню, чтобы накрыть им труп дочери, когда найдёт его». Понятно, что после такого эмоционального обращения горе родителей никого не могло оставить равнодушным.

Слева: Лоррэйн «Лорри» Боровски при жизни. Справа: постер с обращением к свидетелям похищения сообщить родителям девушки имеющуюся информацию.

Активность четы Боровски привлекла внимание общественности к событиям в Элмхёрсте. Всплыла информация об убийстве Линды Саттон, совершённом годом ранее. Тогда убийство проститутки не показалось особенно интересным, тем более что полиция скрывала от средств массовой информации самые пугающие детали преступления. Теперь же общее настроение было совсем иным – у журналистов появлялось всё больше вопросов, и ответы на них лишь разжигали любопытство. Стало известно о привлечении к расследованию «профилёров» ФБР (правда, такого термина тогда ещё не существовало), появилась неясная пока информация о чудовищных травмах женских трупов, найденных в середине февраля 1982 г. в Чикаго. Всё это создавало вокруг расследования пугающую атмосферу недомолвок и недоверия. Полиция Элмхёрста и служба шерифа округа ДюПэйдж почувствовали растущее психологическое давление политического руководства, буквально ежедневно требовавшего успехов в расследовании.

Ситуация менялась очень быстро. Всеобщее напряжение лишь усилилось после того, как стало известно об исчезновении молодой 30-летней женщины, китаянки по национальности, Шуй Мак (Shui Mak), произошедшем поздним вечером 29 мая 1982 г., то есть ровно через 2 недели с момента исчезновения Лорри Энн Боровски. Национальность Шуй Мак не должна вводить читателя в заблуждение – девушка была американкой во втором поколении, её многочисленная семья являлась владельцем нескольких коммерческих объектов (прачечной, двух ресторанов, магазинчиков мелочной торговли в пригородах Чикаго). Финансовое состояние семьи было вполне удовлетворительным.

Вечером 29 мая члены семьи собрались в ресторане в тихом пригороде Чикаго под названием Стримвуд (Streamwood). После тихого и мирного семейного ужина семья уехала на 4-х автомашинах общим курсом в сторону Чикаго, где все они и проживали. Во время поездки к городу между Шуй Мак и её старшим братом возник спор, который закончился тем, что разгневанный братишка высадил свою сестрёнку на обочине дороги и – был таков. Зла он ей вовсе не желал, он знал, что следом едут автомашины родственников и сестру обязательно подберут. Но он не знал другого – родственники отправились в Чикаго другой дорогой, по шоссе, проходившему южнее, а потому Шуй Мак никто из них подобрать не мог.

Итак, около полуночи 29 мая женщина осталась одна на автодороге в пригороде Чикаго в пустынной и малонаселённой местности. Формально Стримвуд в те годы считался уже городом, там существовала регулярная разбивка на кварталы, были проложены асфальтированные дороги, но значительные площади оставались заняты лесопарковой зоной либо отдельными постройками. Уличного освещения не существовало. Местечко, прямо скажем, выглядело мрачновато, даже удивительно, как братец умудрился высадить сестру в такой глухомани. Тем не менее это случилось, и Шуй Мак домой не возвратилась. Всю ночь родственники искали её, разъезжая по Стримвуду в разных направлениях и расспрашивая редких ночных гуляк, но никакой информации получить им не удалось. Утром следующего дня этим делом занялась местная полиция.

Место исчезновения Шуй Мак располагалось примерно в 25 км к северо-западу от того места, где была похищена Лорри Энн Боровски. Связывать два инцидента правоохранителям никак не хотелось, поэтому изначально преваляровали версии о вовлечённости брата в похищение сестры и о причастности «китайской мафии» к запугиванию «провинившегося» перед нею бизнесмена. Но общественное мнение обмануть не удалось. Уже в первых телевизионных и газетных сообщениях проводилась параллель между случаями Шуй Мак и Лоррейн Боровски. Журналисты сказали то, чего так не хотели признавать в Департаменте юстиции и полиции Чикаго.

Город и его окрестности медленно, но неуклонно вползали в «полосу истерии». Родители стали бояться отпускать девочек из дома, мужья стали встречать жён после работы, женщины кинулись скупать огнестрельное оружие и направились в тир для тренировок в стрельбе.

В этой непростой ситуации Джон Миллнер, возглавлявший расследования убийства Линды Саттон и исчезновения Лоррейн Боровски по линии полиции Элмхёрста, решился на довольно неординарный поступок. Будучи по первому своему образованию психологом и имея сертификат гипнолога, он решил подвергнуть свидетелей похищения Боровски допросу под гипнозом. Эта методика в начале 80-х гг. считалась очень передовой и эффективной (подробнее об истории внедрения гипноза в следственную практику можно прочесть в моём очерке «Дом смерти №28»⁴). В 1980 г. ФБР США издало методическое руководство по проведению допросов с использованием гипноза – «Handbook of investigative hypnosis» – и распространило его среди руководящих работников полиции и служб шерифов по всей стране. Миллнер был знаком с юридическими формальностями, которые надлежало соблюсти при организации и проведении допроса, но решил некоторыми из них пренебречь. В частности, специалисты ФБР настаивали на том, что допрос должен проводить гипнолог, не связанный с ведением расследования и не знакомый с его деталями, но Миллнер не стал терять времени на розыск такого психолога. В роли гипнотизёра он выступил сам. С результатами допроса в любом случае нельзя было идти в суд, и с ними должна была ознакомиться лишь очень небольшая группа детективов, так что смысла буквально соблюдать требования ФБР ни сам Миллнер, ни его начальник, не увидели.

Лейтенант допросил под гипнозом всех, кто мог что-то видеть или слышать утром 15 мая во время похищения Лорри Энн Боровски. В числе допрошенных оказались даже те люди, которые утверждали, что они отсутствовали на парковке – охранники торгового центра и уборщики помещений. Результат допросов оказался очень интересен, хотя поначалу он обескуражил следователей. Один из допрошенных под гипнозом сообщил, что на парковочной площадке перед торговым центром на короткое время останавливался фургон красного или оранжевого цвета, из него выходили двое белых мужчин, и именно в этом фургоне была увезена Лорри. Никаких деталей, связанных с обликом похитителей и внешним видом автомашины, свидетель припомнить не мог, однако даже то, что он сообщил, далеко выходило за рамки известного. Прежде следствие считало, что имеет дело с маньяком-одиночкой, имевшим сложный комплекс сексуальных девиаций. Теперь же получалось, что похитителей несколько. Если Лорри Энн Боровски действительно похищали двое мужчин, а ещё один оставался за рулём (как обычно это делается при групповых нападениях), то злоумышленников получалось не менее трёх человек! Это было вообще ни на что не похоже – сексуальные маньяки не собираются в группы, даже пары они образуют очень редко. Это было известно всем полицейским и криминалистам... Так что же такое наболтал под гипнозом свидетель?!

В общем, результаты инициативы Миллнера по допросу под гипнозом не вызвали энтузиазма. Было похоже на то, что начальник отдела просто сел в лужу, стремясь продвинуть «передовые технологии» в жизнь. Между тем, скепсис в отношении результатов Миллнера, как показали последующие события, был не обоснован.

12 июня 1982 г. произошли события, вызвавшие без преувеличения шок у всех, причастных к расследованию. В этот день 23-летняя проститутка и героиновая наркоманка Эйнджел Йорк, родом из Сент-Луиса, была похищена в Эванстоне, северном районе Чикаго, и подверглась просто немыслимому надругательству. Двое белых мужчин бросили её (без всяких разговоров!) внутрь красного фургона, номер которого она не рассмотрела, сковали за спиной руки наручниками и принялись всячески издеваться. Они тушили о тело Эйнджел сигареты, били её, пинали, плевали в лицо, кололи тело ножами... Впоследствии врачи зафиксировали на руках и ногах жертвы 34 ножевых укола и пореза. Похитители несколько раз совершили

⁴ Имеется в виду исследование, посвященное массовому убийству в небольшом калифорнийском посёлке «Кедди-резёт». Очерк под названием «Дом смерти №28» включён в состав сборника: Ракитин А. И. «Дома смерти. Книга I». Книга издана в июле 2023 года с использованием книгоиздательской платформы «ридеро» и ныне находится в продаже во всех магазинах электронной книжной торговли.

с жертвой половые акты, после чего, видимо, пресытились и... ввели ей подкожно какой-то наркотик. Эйнджел практически потеряла сознание. В этом состоянии похитители её расковали и вручили в руки большой нож, приказав отрезать левую грудь. Они пригрозили, что если женщина не подчинится, они сделают это сами. Кажется невероятным, но Эйнджел сумела отрезать сама себе грудь. Оставаясь всё время на грани потери сознания, она понимала, что если это проделают нападавшие, то результаты окажутся намного более ужасными. После того, как женщина сделала то, что от неё потребовали похитители, последние бросили отрезанную грудь в картонную коробку, точно это был кусок свиной вырезки, заклеили Эйнджел рот и... принялись мастурбировать над её раной. Они занимались этим вплоть до момента семяизвержения. После этого они просто выбросили полумёртвую женщину из своего микроавтобуса, рассчитывая, видимо, на то, что она умрёт от потери крови.

Может показаться невероятным, но Эйнджел Йорк не умерла. Жертве очень помогло то обстоятельство, что руки её остались свободны – она сумела зажать остатками одежды открытую рану, грозившую наибольшей кровопотерей, и сорвать с губ клейкую ленту. Женщина позвала на помощь, и, к счастью, крик этот был услышан. Доставленная в больницу, она выдержала сложнейшую 6-часовую операцию, во время которой ей зашили не только рану на груди, но и многочисленные порезы на других частях тела, и в конечном итоге осталась жива. Уже на следующий день, 13 июня 1982 г., она дала первые показания детективам полиции Чикаго Томасу Флинну (Thomas J. Flynn) и Филипу Марфи (Philip Murphy). Позже важную свидетельницу допросил капитан Джон Миноуг (John Minogue), возглавлявший розыск таинственных убийц по линии уголовной полиции Чикаго.

К сожалению, получению показаний выжившей жертвы очень помешало то обстоятельство, что она регулярно употребляла наркотики – это сильно сказалось на её воспоминаниях, притом не в лучшую сторону. Кроме того, на общее восприятие случившегося сильно повлиял перенесённый стресс – если некоторые детали она помнила весьма уверенно, но другие, напротив, оказались полностью стёрты из её памяти. Эйнджел Йорк не смогла вспомнить нападавших и смогла дать лишь самое общее описание их облика – белые молодые мужчины, неряшливо одетые, с грязными руками, как у фабричных рабочих. Даже в вопросе о наличии у них усов или бороды жертва путалась и не могла внести ясность. Такое, к сожалению, с жертвами преступлений бывает нередко – люди, пережившие сильное нервное потрясение, не в состоянии припомнить детали, его вызвавшие, нервная система блокирует соответствующие участки памяти, спасая себя от перегрузки.

Однако случай с Эйнджел Йорк показал, что Джон Миллнер добился своим гипнозом довольно неплохого результата. Следствие теперь в общих чертах представляло, кого же надлежит искать, хотя улики по-прежнему не хватало. Напал на женщин и отрезал им грудь вовсе не негр, а по меньшей мере двое белых мужчин. Нельзя не отметить, что правоохранительным органам крайне повезло с тем, что Эйнджел Йорк осталась жива – не случись этого, идентификация её тела могла бы растянуться на неопределённый срок, ведь женщина появилась в Чикаго совсем недавно и не обзавелась тут устойчивыми связями.

Летом 1982 г. следствие предпринимало отчаянные усилия, чтобы отыскать преступников по тем неполным и отрывочным данным, что имелись в распоряжении правоохранительных органов. В розыск были вовлечены подразделения полиции всех пригородов Чикаго, но объём работы был слишком велик – красных микроавтобусов или фургонов имелось в этом регионе многие десятки тысяч. Полицейские наобум проверяли alibi то одного, то другого владельца подходившего под описание транспортного средства, но не находили никаких следов, выводивших на преступников. Особое внимание было уделено проверке завсегдатаев «проблемных» районов, то есть тех мест, где торговали наркотиками и открыто промышляли проститутки. По умолчанию считалось, что преступники должны там регулярно появляться. Но и это направление розысков не дало ни малейшего продвижения к цели. Проверялись alibi

известных сексуальных преступников – и это направление тоже никуда не привело. В общем, розыск явно блуждал впотьмах и нуждался в новых веских уликах, а таковые могло принести лишь новое преступление.

Преступники же, словно почувствовав, что допустили с Эйнджел Йорк непростительную ошибку, затихли. Проходили дни и недели, а о них ничего не было слышно. Так прошло почти всё лето, появилось ощущение, что убийцы покинули район Чикаго и более не беспокоят его жителей. Но 28 августа 1982 г. затянувшаяся было пауза оказалась прервана самым драматичным образом – в полицию Чикаго сообщили о новом изуродованном женском трупе.

На этот раз обнажённое женское тело, лишённое обеих грудей, оказалось найдено под эстакадой на Фуллертон-авеню, одной из длинейших городских трасс, протянувшейся с востока на запад более чем на 35 км. Для удобства ориентации этот проспект иногда делили на две половины – Восточную и Западную (Ист- и Вест-), хотя в ходу было и общее название – Фуллертон-авеню. Авеню пересекала на своём пути как убогие и прямо нищенские районы, так и вполне приличные, зажиточные. Проехав её из конца в конец, можно было получить эдакий социально-экономический срез Америки 80-х годов прошлого века – на береговой линии озера Мичиган можно было видеть уютные кафе, рестораны, «небоскрёбный фасад» города, а чем далее к западу, тем прилегающие к авеню районы становились безлюднее и мрачнее. Под одной из многочисленных эстакад случайные бродяги и наркоманы обнаружили изуродованное тело обнажённой молодой чернокожей женщины и немедленно сообщили в полицию. Даже удивительно, как не испугались обвинений в свой адрес!

Эстакада на Фуллертон-авеню, под которой 28 августа 1982 г. был обнаружен изуродованный труп чернокожей девушки.

Погибшая была очень молода, это было заметно с первого взгляда. Уже при осмотре трупа на месте его обнаружения помощник коронера сделал важное заключение – измерив температуру тела и окружающего воздуха, а также степень трупного окоченения, он заключил, что смерть последовала примерно за 6 часов до того, как нашли тело. Это была, конечно, большая удача – в том смысле, разумеется, в каком можно говорить об «удаче» применительно к убийству человека – поскольку появлялся реальный шанс для криминалистов отыскать какие-то значимые улики, происходившие непосредственно от преступников.

Руки погибшей чернокожей женщины были стянуты за спиной шнурком, наподобие того, как наручниками были скованы руки Линды Саттон. Лифчик жертвы плотно охватывал её шею – как показало последующее судебно-медицинское исследование, именно асфиксия и явилась непосредственной причиной смерти. Кроме того, жертва перед самой смертью получила удар большим ножом в брюшину, глубина раневого канала достигала 15 см, и это ранение потенциально было смертельным, но смерть от удушения наступила раньше. Кроме того, более

10 незначительных по глубине проколов группировались в области паха и внутренней стороне бёдер погибшей. Характер анальной и вагинальной травм указывал на жестокие прижизненные манипуляции сексуального характера. Не вызывало сомнений, что жертва претерпела тяжкие мучения, возможно, растянувшиеся на несколько часов. Смерть её во всех отношениях была ужасной.

Полиции потребовалось некоторое время на то, чтобы идентифицировать жертву. На третий день стало известно имя – погибшей оказалась 18-летняя Сандра Делавэр (Sandra Delaware), начинающая проститутка из Чикаго, самая молодая из всех известных жертв похитителей женщин. Большие силы чикагской полиции были брошены на «отработку» всевозможных зацепок, связанных с эпизодом убийства Сандры. Проверялось происхождение шнура, которым были связаны руки погибшей, отработывались её связи, на большом протяжении была осмотрена территория, прилегающая к месту обнаружения тела.

Шуй Мак, 30-летняя этническая китаянка из зажиточной семьи среднего класса, пропала без вести 29 мая 1982 г., и её сильно обезображенное тело было найдено спустя только 4 месяца. Сандра Делавэр, 18-летняя афроамериканка, проститутка и наркоманка, была найдена почти сразу после убийства 28 августа 1982 г. Обе женщины, несмотря на разницу в возрасте, расовой принадлежности и социальном статусе, явились жертвами «чикагской бригады смерти» и получили почти идентичные телесные повреждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.